День Нордейла

Автор:
Вероника Мелан

День Нордейла

Вероника Мелан

Игра Реальностей

Визит женщин Комиссии вершится неожиданно – чего они хотят? Улучшить генофонд собственной расы, заполучив биологический материал лучших представителей мужского пола из числа людей. Парни из отряда специального назначения – идеальный вариант, потому как они красивы, тренированы, выносливы и умны. Вот только, какой реакции ждать от их прекрасных вторых половин? Разве это важно? Лишь бы не помешал местный творец Уровней по имени Дрейк Дамиен-Ферно…

В книге присутствует ненормативная лексика.

Вероника Мелан

День Нордейла

Пролог

– Дрейк?

Место на постели справа от меня пустовало – уже остывшее место, холодная простынь.

Я приподнялась и почти сразу же увидела его, стоящего у окна. Нордейл едва окутался в предрассветную дымку; по саду растекся туман.

– Почему ты не спишь?

Он стоял спиной ко мне – в штанах и без рубашки, – смотрел прямо перед собой, и я была готова биться об заклад, что в эту самую минуту Дрейк Дамиен-Ферно не видел ни стекла, ни застывших в безветрии кустов, ни далекого, едва начавшего окрашиваться розовым неба. В комнате уютная темнота – в такую нужно смотреть самые последние, ускользающие из воображения с пробуждением сны.

– Аарона нет, – донеслось глухо.

Мой вялый спросонья мозг новую информацию переварить не смог, однако уверился в том, что Великий и Ужасный однозначно смотрит не сквозь стекло на улицу, а на очередную невидимую энергетическую карту.

– Нет где? Дома? В городе?

Разве это повод для бессонницы?

Странный и неподвижный, будто застывший, Начальник чуть повернул голову:

– Нет в этом мире.

Мои веки дрогнули одновременно с мозгом – сон слетел.

– Как он мог исчезнуть? Давно?

Умер?

Туман за стеклом напоминал сигаретный дым, выдохнутый великаном. От Дрейка веяло не замешательством, но странным недобрым спокойствием. А еще легкой изморозью и работающими на полную мощь инерционными полями. И это в неполные пять утра.

– Судя по временным метрикам, – пояснили мне от окна, – Аарон Канн никогда не появлялся в Мире Уровней.

Глава 1

Нордейл. Уровень 14.

За неделю до того.

(Mars Lasar – Fear and Tenderness)

Кафе именовалось загадочно и немного пафосно – «Карта судеб», – но чай, судя по аромату, здесь подавали хороший. Немного земляники, мяты, нотка лимонника и нечто неуловимое, мне не знакомое. В чайной карте напиток значился под названием «фирменный». Кофе в меню не нашлось.

– Кофе не ищите, не подаю, – пояснила полная, задрапированная в синий платок поверх легкой блузы дама – очевидно, хозяйка. – Кофе – напиток агрессивный, слишком прямолинейный. То ли дело чай – столько граней, такое смешение слоев. Вы сумеете оценить, я думаю.

Она, похожая плавными движениями на степенную самку тюленя, уплыла обратно к стойке. Я же осталась с чаем и совершенным непониманием того, каким образом, гуляя по Нордейлу так много и так часто, я никогда раньше не натыкалась на это место. Всегда шла к проспекту Тильтер через уютный бульвар Лавьяни, затем сворачивала на Тинтон-драйв, обратно возвращалась по Рин-авеню. И никогда, ни разу в жизни не прошлась по лежащей между ними тихой и безлюдной мощеной улочке.

«Карта Судеб». В нашем мире такое заведение держала бы гадалка. Здесь им владела женщина, отдающая предпочтение тяжелой керамике ручной работы, деревянной мебели, столикам на двоих и накинутым на скамьи со спинками вязанным пледам. Женщина в тюрбане и без единого кольца на пальцах. Женщина, ценящая хороший чай.

Кружка мне досталась темно-зеленая, без узоров, с гладкими когда-то застывшими в печи потеками декоративной глазури. Чай расцветал на языке розовыми бутонами и сладкими ягодами.

Конец июля, заволоченное далекими облаками небо, псевдосолнечный день. Последнюю неделю вечерами шел дождь, и переполненная влагой земля не просыхала. Щедро напоенные бесконечными ливнями и обогретые теплыми солнечными лучами, буйно цвели на клумбах маргаритки и бархатцы. Парила почва.

Хозяйка вернулась несколько минут спустя и с такой непосредственностью, которой можно только позавидовать, скользнула на лавку напротив меня. Сложила полные руки на стол и постучала пальцами. Задумчиво спросила:

– Началось, да?

– О чем Вы?

Я оторопела. Эта женщина выглядела так, будто последние десять лет я каждое утро захаживала сюда, чтобы перекинуться с ней словечком-другим и обменяться новостями. Но я однозначно ее никогда не встречала раньше, потому что такое лицо – лицо с носом-кнопкой, круглыми глазами и русыми бровями-полукружьями – я обязательно запомнила бы.

– Изменения в Вашей жизни. Они уже начались.

Очень прозорливо. До странного.

Я молчала, а все потому, что странностей этим утром действительно хватало. Начать хотя бы с того, что проснулась я в полной, если не сказать оглушающей, тишине и с отсутствием запахов съестного, долетающих с кухни – странность

номер раз.

С тех пор как в доме появилась Клэр – моя подруга и по совместительству личный шеф-повар (язык не поворачивался назвать ее «кухаркой»), – в доме всегда присутствовал запах готовящейся еды – жарящейся, варящейся, пекущейся и так далее. Клэр попросту не умела не готовить – она этим жила. И если к завтраку на стол не выставлялись булочки, сырники, ватрушки, гора оладий или чего-то подобного, моя подруга считала, что день начался зазря и спешно это исправляла.

Нет, мы не жили вместе постоянно – дом перешел в ее полное распоряжение давно, – но изредка, в те моменты, когда Дрейк работал сутками, я навещала подругу (а заодно фурий и котов) и частенько оставалась ночевать. И всегда просыпалась от того, что ноздри щекотал один из миллиона фирменных запахов Клэр Мэтьюз – ванили, корицы, лимонной цедры и Вирранской сахарной пудры.

А этим утром Клэр на кухне не обнаружилось. Как и во всем доме. Только тишина, чистая кухня, аккуратно расставленные по полкам кастрюли и сковородки и полный, нетронутый со вчерашнего дня холодильник.

– Просто утро. Не совсем такое, как другие. Бывает, – ответила я уклончиво, так как женщина напротив смотрела по-доброму, но довольно пытливо.

– Совсем не такое, как другие. Совсем.

Она была права. Наверное, все-таки гадалка из моего или схожего с моим мира.

Подруге я звонила раз восемь, но всякий раз она сбрасывала мои звонки, и это явилось странностью номер два, выбившей меня из колеи. Не хотела разговаривать? Не могла? Ушла, забрав из дома все свои личные вещи, и не оставила даже записки? Но почему тогда телефон брать отказывался также и Антонио – друг и кавалер Клэр?

Мое пробуждение случилось всего час назад, а жизнь уже расставила столько неожиданных препятствий, что мне, кажется, требовался именно кофе, а вовсе не многослойно-ароматный земляничный чай.

– Сюда не заходят просто так, милочка, – «гадалка» в тюрбане улыбалась, но странно, без веселья. – Здесь все сделано для того, чтобы путники заглядывали именно в тот момент, когда им требуется помощь. Так уж я настроила пространство. И потому заглядывайте, когда Вам потребуется подумать – здесь часто приходят хорошие мысли.

И она ушла, оставив меня допивать чай в немом изумлении.

* * *

На улице шумел июль. Сотовый в очередной раз ответил странное: «Абонент недоступен».

«Куда же ты подевалась?»

Все дело в том, что если бы из моей жизни исчез кто-то другой – Мак Аллертон, Баал Регносцирос, Халк Конрад или другой из ребят спецотряла, – я бы не напряглась. Они то и дело куда-то девались: работа, тренировки, задания. Если бы временно исчез Дрейк, я бы даже не удивилась – тот столетиями был занят постижениями тайн и загадок Вселенной. Испарись Тайра, я бы подумала, что она отправилась через один из специально установленных для нее порталов на Архан. Растворись Сиблинг, я бы даже не заметила.

Но Клэр?

Клэр являлась частью этого мира – стабильной и незыблемой его частью. Без непредсказуемости, без неадекватных поступков, без «волн». Клэр была одним из трех китов, на которых, как выяснилось, зиждилось мое спокойствие.

А теперь она пропала.

Предварительно забрав из дома все свои вещи.

Дрейк на работе – статус: не отвлекать. Способный обладать какой-то информацией Антонио не желал брать трубку – занят? Обратиться к Чейзеру – мол, определи местоположение «потеряшки»? Я и сама могла бы прыгнуть к ней, чтобы прямо спросить о том, что произошло, однако какое-то время назад

перестала бездумно этим заниматься, столкнувшись с конфузными ситуациями (люди в спальне, в душевой, в туалетах, люди, занимающиеся любовью).

А что, если она попросту купила горящую путевку на какой-нибудь дальний остров, а позвонить и сообщить мне об этом решила позже?

Всякое случается. Дрейк учил не паниковать, и я не паниковала.

Раскачивались от ветерка ветви лип, выглядывали из декоративных «капустных» листьев на аккуратных палисадниках бутоны троцинии; шуршал под ногами на ведущей к дому дорожке песок – он всегда оставался на ней после дождя. Слишком быстро менялся рисунок неба – ветер гнал в далекие дали стада облаков.

Дверь я открыла своим ключом.

Тихо. Через несколько секунд выбежал навстречу белоснежный Михайло, потерся боком о мою штанину, громко замурчал.

Ни фурий. Ни Ганьки.

Фурии-то ладно – их попросил для очередной «беседы» в Реактор Сиблинг – мохнатые существа и представители Комиссии нередко обменивались полезной друг для друга информацией, – но Огонек? Рыжая кошка – любимица Клэр – никогда не покидала этот особняк. Ни разу с тех пор, как поселилась в нем.

На душе, несмотря на безмятежный с виду день, копилась тяжесть.

– Голодный?

Кот обтирался об меня так рьяно, будто его никто и никогда не кормил. В стальной тщательно вымытой миске не нашлось кошачьего корма – пришлось насыпать из пакета.

– Ешь.

С кухни я удалилась под хруст разгрызаемых кусочков «Кискис».

Особняк без Фурий и подруги будто обветшал энергетически – уныло притих, опечалился и теперь напоминал мне покинутого сыновьями деда. Деда, сидящего у окна и ждущего, что однажды родные навестят его вновь.

Какие странные мысли.

Для людей не бывает ничего хуже неизвестности. Неизвестность – состояние формирования новых колец реальности – ситуаций, событий и неслучайных случайностей, построенных на основе прежних действий и решений. А находясь в подвешенном состоянии, люди почти никогда не умеют ожидать хорошего – слишком сильны засевшие глубоко страхи.

Я же училась от них избавляться и занималась этим уже не первый месяц. Высвобождала стрессы, следила за собственными эмоциональными всплесками, по наставлению Дрейка училась аккумулировать энергию. Старалась не растерять ее и теперь, когда случилось нечто из ряда вон выходящее.

«Все живы, все здоровы», – бодро повторяла себе внутри и не поддавалась тревоге. Хотя последняя наседала.

После обеда, если Клэр не позвонит сама, я прыгну к ней.

На том и успокоилась. Вошла в тихий зал, уселась на диван, подвернула под себя колени и выпрямила спину – меня ждало время «внутреннего покоя», в течение которого я избавляла голову от ненужного мысле-хлама, училась ощущать пространство мира не разумом, а чувствами, ощущать тонкими телами невидимое.

На подобных уроках настаивал мой любимый, и, зная, что он не посоветует ненужного, я взяла за правило их исполнять.

Перед тем как начать, я несколько секунд смотрела на всегда полную, но сейчас пустую вазочку из-под домашнего печенья.

Неслышно вздохнула. Закрыла глаза; время «тишины» наступило.

* * *

– День добрый, Бернарда.

Когда раздался голос, я вздрогнула, но глаз не открыла – поначалу подумала, что в моей голове говорит один из фантомов – такие часто навещали людей во время медитаций. Их называли по-разному: двойники, псеволичности, ложное «я» – Дрейк учил не заговаривать с ними, и я продолжила сидеть неподвижно.

Сколько прошло времени? Я слишком глубоко погрузилась? Нужно еще раз очистить сознание.

– День добрый.

Нет, голос – незнакомый, слишком низкий для женщины и слишком высокий для мужчины – звучал снаружи. Я резко распахнула веки, напряглась.

И было от чего.

Прямо на меня с экрана телевизора, который мы некоторое время назад по совету Эльконто перевесили на противоположную стену над камином («так удобнее смотреть с дивана»), взирало лицо, которое я никогда в жизни не видела. Абсолютно лысая голова, ровные, но довольно грубые черты лица, слишком светлые для обычного человека глаза; средней полноты губы ничуть не украшали растянутый в стороны рот.

У меня случился секундный шок. Я случайно нажала на кнопку пульта? Или телевизор включился сам? Это… запись?

– Предвещая твои вопросы, сообщу, что записью я не являюсь: наш разговор происходит в реальном времени.

От неприятного голоса по моему телу прошла изморозь. В моем доме кто-то был. В телевизоре. Сумев не выдать замешательства, я ответила ровно и довольно

вежливо.

– Добрый день. С кем имею честь общаться?

Лысый собеседник, впрочем, имени сообщать не пожелал.

Это вообще женщина или мужчина? Меня всегда смущали субъекты, пол которых сложно определить на глаз, а если эти субъекты еще и пытались завести со мной диалог в моем же собственном доме, они смущали меня на двести процентов.

– Можешь называть меня, как угодно. Я здесь не за этим.

– Зачем же?

Шестое чувство, непонятно откуда взявшееся, подсказывало, что передо мной враг. В мозгу угрожающе сильно звенела тревожная сирена: «Вызывай Дрейка!»

– Не пытайся связаться с главой этого мира, – предупредил мои попытки ментального контакта гость. – Во-первых, они будут безуспешными, во-вторых, они не являются для меня желательными.

Судорожно нащупав сбоку пульт, я зачем-то попробовала нажать кнопку «Вкл.» – телевизор, естественно, не погас, но я почувствовала себя глупее некуда. Как герой ужастика, который наивно верит, что перед ним не настоящий монстр, но сотканная из тумана иллюзия.

– Что Вам угодно?

– Чтобы ты помогла мне с тем, чего я желаю.

– И чего… Вы желаете?

«Нужно прыгнуть. В Реактор нельзя – сломаю себе шею об их ловушки. Домой… к нам с Дрейком в особняк. Оттуда свяжусь».

– Не советую предпринимать попыток бегства, пока мы не закончим разговор.

Мне совершенно не нравилось происходящее. Совершенно. Лысая башка и неприятное лицо на экране нервировали.

Вместо того чтобы слушать голос дальше, я закрыла глаза и принялась мысленно переформировывать реальность: вокруг не стены с золотистыми обоями, не бежевый мягкий диван под задом, но твердый пол второго этажа нашей спальни, запах моих любимых духов с комода, темно-бордовые шторы, в окно льется свет…

– Не выйдет.

Я пробовала трижды. И поняла, что моментально взмокла до состояния «после десяти кругов на полной скорости по стадиону», но прыжка так и не случилось.

Все хуже и хуже.

– Твои возможности во время нашего общения заблокированы.

Чудесно! Вместо того чтобы слушать это чудище дальше, я поднялась с дивана и быстро двинулась к выходу – эта уродина не сможет дотянуться до меня с экрана, если я уйду.

Я доберусь до Реактора на такси, я вызову Мака или позвоню… кому угодно.

Когда раздалась следующая фраза, я как раз выходила из комнаты.

– Знаешь, что случилось с Клэр Мэтьюз?

По спине прошла новая волна изморози – я изначально чувствовала, что что-то не так.

– Что? – спросила я глухо, не оборачиваясь.

– Ты выгнала ее сама. Вчера.

В меня для непонятной цели однозначно кидали невидимые отравленные дротики, но вот так запросто поддаваться панике я не спешила.

– Я ее не выгоняла.

– «Попросила» уйти. Посмотри на экран.

И я услышала доносящийся из-за спины свой собственный голос.

Показанный фильм потряс меня до глубины души: Клэр стояла у порога и комкала в руках ситцевый шарф. А я – Я! – разговаривала с ней притворно-вежливым тоном. Тоном, от которого даже у меня свело челюсти – сладким и лживо-неприятным:

– Мне больше не нужно столько еды, я могу заказывать из ресторана. А у тебя будет больше свободного времени.

– А Огонек?

Моя подруга не смотрела «мне» в глаза – она смотрела в сторону, и я была готова биться об заклад, что она сдерживала слезы.

– Кошку можешь забрать.

– А… Фурии?

– Я буду кормить их сама.

– Ягоды… они любят…

– Я помню.

Я глазам своим не верила – эта вторая «я» выгоняла свою собственную экономку.

– Дина, что-то случилось? Ты скажи…Я ведь…

– Ничего не случилось, Клэр. Изменения в жизни – это нормально. Полагаю, что для них просто пришло время.

И моя «копия» нетерпеливо сложила на груди руки – мол, иди уже отсюда.

У меня от ярости зубы скрежетали.

– Что это за хрень? – спросила я тихо, но очень зло.

И на экран вместо фильма тут же вернулась уже знакомая лысая башка.

* * *

– Я прошу не так уж много: зайди в лабораторию в здании Комиссии, отыщи криохранилище, достань то, что лежит в ячейке под номером «3261» и принеси это сюда в сумке-холодильнике.

– Почему я? – поинтересовалась я сквозь зубы.

Мне только что объяснили, что в случае с Клэр был сформирован и вставлен в жизнь дополнительный день, которого не существовало для меня, но который существовал для моей подруги. Тот самый «несуществующий» день, в котором для нее случилось несчастливое увольнение, сбор вещей и уход из этого дома. Грубо говоря, ложный временной промежуток, в котором орудовал очень похожий на меня «двойник».

Умно. Сложно. И очень жестоко.

По правде говоря, у меня волосы стояли дыбом.

– Потому что ты – человек, который имеет доступ к Лаборатории. Тебя пустят без вопросов.

Да, меня действительно почти везде в Реакторе пустят без вопросов, но только потому, что Дрейк мне полностью доверяет, так как уверен: я не предам. А это…

«оно» требовало от меня именно предательства.

– Я не буду этого делать.

Наш разговор переходил на ледяные, не сулящие ничего хорошего тона.

– Я не предлагаю тебе выбор, – ответил местный «Доуэль», – я предлагаю тебе спокойную жизнь без потерь в случае продуктивного сотрудничества.

– А в ином случае?

– В ином случае начнут происходить совершенно не приятные вещи, как в случае с твоей экономкой. Это лишь начало. Не усугубляй свое положение, так как людей ломать не сложно – у всех есть болевые точки.

Точки есть – она права.

Я, все же, решила считать «голову» женщиной.

«Так или иначе, я свяжусь с Дрейком…»

– Каждая твоя попытка оповестить обо мне Творца местного мира будет оканчиваться чьей-либо трагедией. Всякий раз худшей, нежели предыдущая.

– Ты не сможешь…

– Я смогу.

– Но для чего? – моя фраза окончилась укоризненно-нервным смешком.

Тварь на экране хотелось придушить. Я все понимала про Любовь, про то, что каждая ситуация – урок, но случившееся со мной напоминало не урок, а начавшуюся холодную войну.

– Я желаю получить то, что желаю. Ты мне поможешь.

Я вовсе не была в этом уверена. Пусть это чмо сгинет из моей комнаты, и я непременно найду способ оповестить о случившемся Творца мира Уровней. Так. Или иначе.

– Что хранится в криокамере?

– Этого знать не нужно.

– А если я… – «конечно же, я этого не сделаю», – доставлю то, что вам требуется?

– Если… Когда, – поправилось «чмо», – ты доставишь сюда содержимое ячейки, ложный день из жизни Клэр Мэтьюз будет изъят. Она ничего не будет помнить.

– Я тоже не буду?

– Возможен положительный или отрицательный вариант ответа. На выбор.

Как щедро.

– Мы договорились?

– Я подумаю, – ответила я настолько ровно, насколько могла, хотя внутренне я клокотала, как кастрюля, несколько часов кряду простоявшая на горячей плите.

– Отлично. У тебя сутки.

И телевизор, который я, видимо, выкину сразу же, как только почувствую, что гость ушел, погас.

* * *

Телевизор я не выкинула. Мне стало не до него, как только экран погас: через телевизор или нет, эта нечисть, судя по всему, отыщет способ добраться до меня, если пожелает. Тогда какой смысл ломать технику?

Она знает мое имя. Знает о моих способностях. Плохо.

Наихудшим из случившегося после нашего диалога было то, что я все никак не могла сосредоточиться ни на Реакторе, ни на нашем с Дрейком доме, и совершить прыжок – мои мысли скакали, как у обнаженного любовника, которого некстати застал «мужнин» звонок в дверь.

Такси доберется до Реактора примерно за двенадцать минут. Если не пробки.

Я ринулась в сторону проспекта, на ходу продумывая план действий: вчера Дрейк говорил, что будет заниматься строительством «незавершенных» объектов, значит, его, скорее всего, в самом Реакторе нет. Но есть Сиблинг – он вызовет. Если не Сиблинг, подойдет любой представитель Комиссии. А эта дура путь думает, что я побежала изымать для нее содержимое криокамеры…

Как бы ни так.

Мне повезло – свободная машина такси стояла сразу за остановкой. Я заскочила в нее так споро, будто меня преследовали маньяки с бензопилами, и быстро протараторила:

– Пересечение Нейен-драйв и сорок третьей.

– Что там? – лениво спросил водитель, пристегиваясь.

– Ничего. Просто перекресток.

На самом деле оттуда отходила тихая и почти всегда безлюдная улица, ведущая к «пустой» для жителей Нордейла площадке, на которой, защищенное отводящим глаза щитом, стояло центральное здание Комиссии.

– Четыре пятьдесят до туда.

– Пойдет.

Завелся мотор; водитель, пропустив автобус, вырулил на проезжую часть.

Совершенно не привычное для меня состояние – состояние панической нервозности, – но именно в нем я продолжала пребывать. Как отреагирует Дрейк, когда я расскажу ему о «пришельце»? Будет разбираться сам? Поднимет на уши Комиссию? Даст красный сигнал тревоги спецотряду («залечь на дно») или же наоборот попросит ребят о помощи?

Ребята здесь, скорее всего, будут бессильны – слишком странный «враг».

Перед глазами то и дело возникала «лысая башка» – она не может знать, для чего именно я еду в Реактор…

«Дрейк, Дрейк, Дрейк, ты меня слышишь?» – беспрестанно сигналила я в пространство.

Стоило машине свернуть в сторону осеннего парка и моста через Грейен, как моя сумка загудела вибрирующим мобильником.

– Дина, Дина, ты меня слышишь?

Говорила Меган – не говорила, всхлипывала.

– Слышу, в чем дело?

Позвоночник от плохого предчувствия сжала невидимая стальная рука.

– Дэлл… Он что-то мастерил в бункере, и в его руках взорвалось…

Я почти не слушала, у меня перехватило дыхание.

– …сильные ожоги. Нужно к Лагерфельду… Срочно. Ты поможешь? Поможешь?

Она уже не просила, захлебывалась.

– Помогу, – отчеканила я коротко и попросила водителя: – Остановите машину.

Пытаться формировать в подобном состоянии лицо Дэлла оказалось задачей сложной, почти неподъемной, но теперь я плевала на «не могу» – Одриарду требовалась срочная помощь. Черта за чертой, я формировала в сознании его мысленный образ, укрепляла его, делала «живым». Потом уцепилась, усилием воли собрала энергию в пучок, прыгнула. И почти сразу же гул несущихся по мостовой машин, сменился тяжелым хриплым дыханием.

– Потерпи, потерпи, родной, сейчас она придет… – Меган сидела на полу у ног сжавшегося от боли в кольцо мужчины. Поврежденные руки зажаты между колен, корпус раскачивается туда-сюда; в бункере витал очевидный запах гари, едких химикатов и паленой плоти.

Черт. А ведь «она» обещала. Вспоминать в такой момент лысую башку было все равно, что ступать босиком по шипам.

– Дэлл? – я коснулась плеча блондина. – Давай, поехали к доктору.

Мне в ответ что-то промычали.

– И я! – Меган впилась в мой локоть ледяными пальцами. – Я с ним, можно?

Мне ли было не понять женщину, желающую идти хоть на край света за своим мужчиной?

* * *

Совпадение. Совпадение, ведь так?

Не могла эта мымра знать, что в Реактор я ехала вовсе не для похода в Лабораторию, а для того, чтобы пожаловаться Дрейку? Не могла. А, даже если так, то взрыв в бункере профессионального подрывника – ее ли рук дело?

Возможно ли такое – дистанционно спровоцировать кармически зависимое событие, когда выбранный объект не заслужил «случайных» страданий, так как ошибок в недавнем прошлом не совершал? Что рассказывал на эту тему Дрейк? Я судорожно собирала по временно отказавшей памяти рассыпавшиеся крохи знаний, в то время как Меган сидела рядом и пыталась унять дрожащие ладони:

– Не понимаю, как так вышло… Он всегда аккуратен, всегда несколько раз проверит, прежде чем смешать. Еще ни разу у него ничего не взрывалось не вовремя – только запланированно…

Меган подливала масла в огонь моего чувства вины.

Меня предупреждали…

«Совпадение! – упрямо вторила логика. – Чтобы спровоцировать подобную случайную «неслучайность», намеренно причинив вред человеку, нужно обладать огромным запасом знаний и энергии. А еще не бояться обратного «удара», который обязательно последует. Тут уже не просто не до «любви» – за месть Вселенная платит обидчику местью, и это тоже закон сохранения справедливого баланса. Неужели «лысая» совершенно не боялась?»

По-видимому, она ничего не боялась. Если это вообще была она…

Ждать новостей, сидя в гостиной Лагерфельда, оказалось занятием нудным и до крайности тревожным.

Док в операционной вот уже полчаса колдовал над обожженными руками поступившего пациента; Меган, несмотря на бледный вид и ярко проступившие веснушки, старалась держаться молодцом, а я все еще стыковала между собой нестыкующиеся факты. Пыталась сообразить, как же мне дотянуться до Дрейка и при этом не подставить под ненужный риск себя и остальных?

– Мег…

– Да?

– Можешь набрать Мака?

– Могу. Что ему сказать?

Я запнулась. С глупым видом посмотрела на зажатый в собственных ладонях телефон.

– Попроси его… сказать Дрейку, что я… Попроси…

Я формировала одну-единственную фразу, как школьник, не выучивший урок. – Что я… Забудь, ничего не говори. Я сама.

Следующий шаг, прежде чем действовать, мне надо продумать очень и очень внимательно.

В этот момент в дверях показался вытирающий руки полотенцем Стив. Коричневая футболка, взъерошенные рыжие волосы, чуть удивленный взгляд прошелся по мне и Мег. Остановился на последней.

– Жить будет, – констатировал док. – Но, ядрит твою за ногу,… чтобы Дэлл?

И я с тяжелым сердцем услышала то, что Стив недосказал вслух: чтобы так примитивно ошибся с химикатами Дэлл? Невозможно.

Увы, я тоже в это не верила.

* * *

Лето шумело всей красой, лето текло сквозь нас – людей, – оставляло в памяти запах соцветий, сочную зелень листвы, лето заставляло торопиться и бурно строить планы…

Я же сидела на лавке, оглушенная.

Порывы ветра сдували вбок струи фонтана, и те поливали асфальт; задумчиво смотрел на плещущуюся в бассейне воду жующий жвачку мужик.

Обед. А я все еще не в Реакторе.

«Дэлл спасен. Кто следующий?»

От беспокойства мутилось сознание. Я продолжала крутить в голове всевозможные варианты попадания в здание Комиссии, но страхи то и дело

брали верх, и с лавки я не двигалась. Попросить кого-нибудь о том, чтобы передали Дрейку, что я его ищу? Попробовать снова взять такси и назвать адрес Реактора? Попытаться вызвать Начальника мысленно? А что, если снова звонок?

Слово «беда» крутилось где-то рядом, почти ощутимое, почти воплотившееся в реальность – до него один шаг, один неверный жест. И чей-то невидимый хлыст вновь безжалостно ударит по невиновному человеку. Тварь. Дрейк должен о узнать о происходящем. Но как?

Пока другие плескались в реках и озерах, радуясь летнему дню, я холодела безо всяких дождей. А ведь еще неизвестно где, обиженная моими словами, теперь жила свою новую жизнь Клэр.

На этот раз я сфокусировалась и прыгнула без раздумий.

* * *

Серая квартира. Довольно тесная и унылая – не чета нашему особняку. Узкая, как вагон, кухня, старая посуда, невысокие пыльные окна, вытершийся линолеум.

Я смотрела на нее из коридора – на Клэр. Та, понурив плечи, пила чай – по крайней мере, монотонно звякала ложкой о край чашки.

– Эй, привет! – позвала я негромко, чтобы не напугать. – Клэр, почему это? Ты ведь могла позволить себе лучше?

Спрыгнув с коленей подруги, громко и радостно мяукнула рыжая кошка.

* * *

– Это была не я, понимаешь? И этого дня не было ни для кого, кроме тебя, – его попросту не существовало.

На сбивчивые объяснения я потратила уже минут пять – съемная квартира подруги до боли напоминала мне «хрущевку». Оказывается, Клэр растерялась –

выбитая из колеи моим «судьбоносным» решением с ней расстаться, она сняла первое, что попалось под руку – свою-то квартиру давно продала…

– И я никогда бы не решила тебя уволить. Да и вообще, это слово сюда не подходит. Ты давно для меня не «работница», а родной человек, подруга. Ты поверила ей?

Глупый вопрос: не ей – «мне».

Клэр кивнула. В ее глазах будто навечно застыло удивление, смешанное с печалью. И глубже стали морщины.

– Как такое возможно, Дина? Чтобы ты… и не ты?

– Я не знаю. Правда, не знаю. Но я выясню.

– Конечно, я поверила…

– Я знаю. Прости.

Я извинялась за то, чего не совершала, и в душе кипело негодование – меня подставили. Нас. Но о лысой башке на экране распространяться не стала – вдруг хлыст дотянется и сюда? Риск-риск-риск, теперь везде чертов риск.

– Послушай, когда все это закончится, когда я со всем разберусь, я приду к тебе, и мы пойдем назад, да?

Шишка из темных волос стянута небрежно – всегда аккуратная и подтянутая Клэр Мэтьюз никогда раньше себе этого не позволяла. А теперь она сидела на чужой кухне в мятой блузке, пила чай из нелюбимой чашки и боялась вновь начать надеяться.

– А смешарики… нормально?

Ей хотелось знать, что все хорошо. Хотелось верить, что то, что случилось – настоящее недоразумение, а вовсе не игры моего плохого настроения.

– Нормально. Клэр, – я наклонилась вперед и заглянула ей в глаза. – Кто-то меня подставил, прикинувшись мной. Я никогда бы не попросила тебя уйти.

Она оттаивала; в смятении то комкала пальцами угол бумажной салфетки, то торопливо терла высокий лоб.

– Ты слышишь меня?

– Слышу.

– Это была не я.

– Не ты.

– Это все закончится, я тебе обещаю. Просто кто-то,… это чья-то злая шутка.

– Неудачная шутка. Дин, слушай, – она вдруг встрепенулась, – а когда ты придешь ко мне в следующий раз, как я узнаю, что ты – это ты?

Хороший вопрос. Просто отличный. За окном проехала машина, и стекла в раме задребезжали. Вместо ответа, я вытащила из сумки блокнот и, прикрыв лист рукой сверху, написала:

«Нашим словом-паролем будет «Ганька»».

Показала.

Черт его знает, сможет ли «лысая» выудить эту информацию, если имеет доступ к информационным полям… Наверное, сможет. И не поможет ни моя ладошка над бумагой, ни конспиративное молчание в чужой и тесной кухне. Однако, хоть какая-то мера защиты.

– Поняла меня? Порви, когда я уйду. Или сожги.

Подруга кивнула. Взглянула на меня жадно, словно не хотела отпускать, с затаенной тревогой на дне темных глаз.

– Дин, а кто мог сделать вторую тебя? И зачем?

Да-да, именно те вопросы, ответы на которые я и сама не прочь бы узнать.

Обувалась я в темной прихожей – под потолком висела перегоревшая лампочка.

* * *

Любая сложная ситуация в первую очередь воздействует на стрессы – взлетает перед лицом черной вороной и каркает о том, что теперь будет «совсем-совсем плохо». Главное в этот момент – не поверить ей. Дать покаркать, покричать, что «все плохо», пропустить сквозь себя и позволить уйти.

Прозрачная я, прозрачное тело – текущий сквозь меня мир со своим плохим, хорошим, тревожным и радостным.

Шестнадцать ноль пять на часах.

Я сидела в сквере и, вместо того, чтобы пытаться нащупать ответ «что делать» разумом, силилась почувствовать его интуицией. Дрейк учил многому, в том числе и этому.

«Свобода от мыслей. От зависимостей. От боязней. От себя». Просто мир. Просто день. Такой же теплый и летний, независимо от того, что в моей или чужой голове. Дан урок, значит, будет дан и ответ о том, как его пройти.

Из искусственного состояния «безмыслия» меня выдернул очередной телефонный звонок. А в трубке глубокий красивый баритон:

– Ди, что случилось?

Звонил Мак. И я судорожно втянула воздух.

Мег – она все-таки ему позвонила. Видимо, почувствовала неладное, передала, что я о чем-то хотела поговорить.

– Все нормально, Мак.

И впервые в жизни неловкая пауза на обоих концах. Нет слов, только ненужная тишина.

– Ди… Я помогу.

Я знала, что он поможет – сделает все и даже больше. Потому что это Чейзер – стальной двухметровый мужик с двумя базуками наперевес. Опасный, как с оружием, так и без него. Огромная крепость, бронебойный бункер, в котором тепло и безопасно – ох, как я понимала Лайзу. Мак – каменная стена, непробиваемая кладка, бойницы с торчащими наружу стволами пятидесятого калибра. И все же я не могла сказать ему правду.

– Скажи мне, что случилось?

Он чувствовал.

«Спаси, защити!»

Мой собственный «бункер» в этот момент занимался где-то работой вне Реактора.

«Отвези меня к Дрейку, мне нужно срочно ему рассказать про…»

Про «нее» – лысую башку, которая сейчас слушала наш разговор не ушами, но пространством.

– Я ничего такого не хотела, в общем… нормально все.

Он не верил. Конечно же. Чейзер не был тем, кого легко провести. Кого вообще можно провести.

– Я слышал про Дэлла. Мда.

– Да. Неприятно. Но с ним уже нормально.

И вновь молчание.

– Ди, ты ведь позвонишь мне?

«Если что-то не так. Ты ведь позвонишь?»

Мне впервые за долгое время хотелось плакать: они были моими, эти ребята. Моей компанией, моими друзьями, моими родными людьми. Они беспокоились за меня, всегда были готовы подставить сильное плечо. И, видит Бог, в этот момент я, как никогда сильно, скучала по Дрейку. Нуждалась в его ауре спокойствия, в выражении лица «мы все можем решить» и словах «непосильных задач не существует».

Но я одна. Без него.

Проехал мимо велосипедист – яркий и пестрый, как попугай. Унесся вдаль его вытянутый в форме пули шлем; стих стрекот спиц и шорох шин.

– Я позвоню.

Слушая шелест беспокойных крон, я с отчаянием нажала отбой.

* * *

Дэйна в штабе не оказалось. «Ушел на склад», – пояснил его заместитель – здоровый бородатый мужик с хмурым взглядом, который не вломил мне прикладом винтовки лишь потому, что его встроенный сканер показал, что «я – свой». Сканер, видимо, показал и другое – мой уровень допуска, – и потому недобрый дядька пропустил меня к главному пульту.

– Мне нужно оставить сообщение, – пояснила я коротко.

Здесь пахло войной. Мужским потом, бесконечным напряжение, оружейной смазкой и порохом. Еще пыльной и грязной одеждой; беспрестанно тарахтела подвешенная на гвоздь рация.

Пульт, за который я села, напоминал рубку космического корабля из фантастических романов – кнопки-кнопки-кнопки. Почему нельзя просто – экран, коврик и мышь? Наверное, не положено.

– Где тут можно написать?

Мне откуда-то из недр стола вытащили заляпанную клавиатуру.

– И окно для сообщений, – попросила я.

Бородач нажал кнопку, расположение которой я даже не запомнила.

– Пишите, – бросил неприветливо.

«Дэйн, это Ди… – принялась строчить я. Все-таки Уровень: Война – отдельный уровень. Сюда сложнее пробраться, сложнее считать информацию – я очень на это надеялась. – Передай Дрейку, что мне нужна помощь. Срочно. Пришла беда. Я сама не могу».

Не успела я повернуться к стоящему сзади мужику, чтобы попросить того удостовериться, что Дэйн прочтет послание сразу же, как вернется в штаб, как грохнуло просто адски. Вздрогнул пол и потолок, посыпалась штукатурка со стен, затрещал экран.

– Попали! – заорал заместитель и дернул меня вместе с креслом так рьяно, что я едва не вывалилась назад через спинку. Экран моментально потух, запахло паленой обмоткой.

– Начальнику штаба! – ревел бородач в рацию. – В нас попали! Повреждения уровня «Бэ-два-дробь один» – всех в нижний бункер! Всех! Пойдемте, надо отсюда уходить…

Последнюю фразу он адресовал мне, но я уже сосредоточилась для прыжка.

«Твою мать, твою ж мать, – думала, погружаясь в тонкую реальность. – Это точно война. Только не местная – а меня с «лысой башкой».

* * *

Под вечер по небу загрохотало – напирала гроза. Затрепетали, заволновались деревья, поднялась пыль; прохожие заспешили под козырьки кафе, остановок, магазинов. Закапало уже пару минут спустя.

Я спешила в наш с Дрейком особняк.

Он придет домой, и я его дождусь – все просто. Конечно, самый занятый человек этого мира часто задерживался на работе, но лысая мымра сказала, что на выполнение работы у меня сутки. Сутки.

Значит, мы успеем поговорить – он придумает, как защитить меня от нее. Обязательно. Поймет все с полуслова, с тишины, с одного взгляда. За это, в том числе, я и любила своего неординарного мужчину.

«А Дэйн послание не получил – жаль…»

Просторная прихожая встретила меня полумраком. А как хотелось иного – света торшера, читающего Начальника в кресле. Его спокойного вида, расстегнутых верхних пуговиц рубашки, взгляда исподлобья, полуулыбки. Он поставил бы на меня щит прежде, чем кто-то посмел бы коснуться моего пространства, – он разрушил бы ради меня один мир и создал другой – я знала это.

«Дрейк, Дрейк, где ты, любимый?»

В нашей спальне никогда не висело телевизионного экрана – Дрейк не признавал социальных СМИ, любого рода «новостей», на самом деле новостями для него не являющимися, а также познавательных передач, так как познавал мир по-своему. Я тоже голубой экран не смотрела. Разве что любимые фильмы, да и те почти всегда в компании старой доброй Клэр.

Почему все накренилось, почему вдруг вспучилось и надломилось в тихую погоду, а не в шторм? И это не про грозу за окном. Вечные вопросы без ответов.

Я присела на нашу кровать и осознала, как сильно устала – утомилась от бесконечных переживаний, треволнений, своих же собственных чертей в голове.

Дрейк придет, как всегда, около одиннадцати. А до этого момента я могу сделать только одно полезное дело – не создавать новые, полные придуманных кошмаров мыслеформы, чтобы те не уходили в ментальный план на воплощение.

Сейчас восемь. Ждать осталось около трех часов.

Под закрытыми веками, как не вспугнутые медузы, поочередно плавали события сегодняшнего дня, а так же бессмысленный вопрос: что находится в криокамере под номером «3261» и для чего оно «башке»? Схемы этого мира? Секретные данные устройства слоев пространства? Нет, раз криокамера – значит, органика. Клетки, молекулы, организмы?

Погружаясь в дрему, я знала одно: что бы там ни находилось, «лысая» этого никогда не получит.

* * *

В двадцать три ноль один на информационной табличке, стоящей на прикроватной тумбе, высветилось сообщение: «Любимая, занят. Если что-то нужно, дай знать. Дома буду примерно через семьдесят два часа».

Я едва не взвыла от тоски.

Дай знать? Да я бы дала, если бы от этого на Мака, например, в гараже не обрушился автомобиль – как раз в тот самый момент, когда Чейзер будет сидеть в яме и его чинить. Или же не лопнет лампочка в ванной Дэйна, усеяв осколками пол. Или…

Мозг всегда полон страхов. Всегда.

У меня же была впереди ночь, чтобы придумать, как действовать дальше.

Глава 2

Этим утром я впервые в жизни не желала приближаться к особняку, в котором мы когда-то жили с Клэр, – он временно (ведь временно?) превратился для меня в «Сумеречную Зону». Там вскоре случится очередной крайне неприятный разговор – я вновь откажусь выполнять «задание», на меня попытаются надавить.

И потому я по пути зачем-то свернула в «Карту судеб». Заказала еще один фирменный чай, получила вместе с кружкой внимательный и встревоженный взгляд хозяйки кафе, долго тянула ароматный напиток, попутно избавляясь от страхов.

Я никогда, еще со времен школы, не любила экзамены. Экзамен – проверка тебя на наличие определенного рода знаний – например, по алгебре или геометрии. Но что, если рождающийся ребенок изначально, на ментальном уровне, знает, что именно в этот отрезок жизни эти знания ему не нужны? Но он обязан все зубрить – потому что «правила», «родители», извечное «должен». В теории, любой человек, почувствовав нужду в конкретных знаниях, всегда способен отыскать к ним дорогу – тем более сейчас, в век интернета…

Сегодня я свое «задание» не выполнила. Не свое – чужое… И потому чувствовала себя, как на пороге экзамена, где мне скажут: «ты дура, плати». Выговором, лекцией, физическим или моральным наказанием. Наш социум всегда двигался через наказания, считая кнут действеннее пряника.

А я просто заснула вчера. От психологического прессинга вымоталась, как никогда раньше, отключилась, и потому не придумала, что же делать дальше. Однако знала: воровать в Реактор я не пойду.

Потому чай. Потому хмурый взгляд, потому сердце в доспехах и тяжесть невидимого клинка в руке. Придется защищаться.

В этот раз хозяйка «Карты судеб» расстаралась – напиток и впрямь получился ароматным, многослойным, сложным, как она того и хотела. Он помогал фокусироваться, успокаивал, как будто по-своему пытался поддержать моральный дух того, кто держал в руке кружку.

– Что, неприятности? – та, про которую я думала, материализовалась возле моего стола.

Я нехотя кивнула.

– Да, выпутаться будет непросто. Кто-то против тебя ворожит, – покачала головой женщина в тюрбане из тонкого шарфа. – У тебя много сил, и потому много сложных уроков.

«Спасибо», – хмыкнула я мысленно. Легче от ее слов не стало.

Деревянные стены; аромат хвои из стеклянных баночек на столах. От чужого проницательного взгляда делалось и вовсе тревожно.

– Ты победишь в итоге, – вдруг предрекли негромко. – Держись.

И «гадалка», будто и не пророчила только что, отплыла от моего стола.

* * *

Я могла бы и вовсе не ходить, но «лысая», так или иначе, нашла бы способ связаться. Уж лучше расставлять точки над «i» в привычной обстановке – один на один, так сказать.

«Давно я ни с кем не боролась». И если быть честной, не скучала по войне.

Прежде чем войти в дом, в котором один-одинешенек остался мой белый кот (перенесу его отсюда, когда буду уходить), я нарочито неторопливо полила из шланга гибискусы, заботливо высаженные Клэр у крыльца в начале весны.

Перед «спиритическим» сеансом я закрыла накормленного Михайло на кухне – не надо ему присутствовать. Так безопаснее. В гостиную вошла, как в камеру с распыленными в воздухе химикатами, – с чувством отвращения. Села на диван, попыталась принять удобную позу. Закрыла глаза.

Ждать пришлось недолго.

– Ты не ходила туда.

– Нет.

– Сутки еще не прошли. Пойдешь сейчас?

– Нет. Ни сейчас, ни потом.

– Зачем усугублять проблемы в собственной жизни?

Мне хотелось взорваться – наплевать на контроль, которому столько учил Дрейк, наплевать на то, что мои эмоции ударят по мне же, и заорать:

«Ты получишь за все, сволочь! И твоя лысая башка покатится, постукивая ушами, по дорожке, как только Дрейк все узнает. А он узнает!»

Вслух я процедила чуть сдержаннее, чем в мыслях:

– Закон Кармы никто не отменял. Ты принуждаешь человека действовать против его свободной воли, за это Вселенная…

– Меня не интересуют диалоги на сторонние темы.

С экрана телевизора, который никто не включал, на меня смотрели глаза со светлыми зрачками. И этот пустой, похожий на инопланетный, взгляд изрядно нервировал.

– Знаешь, что случилось пять минут назад? – у «башки» коварно изменился прищур. – Смотри на экран.

Очередной фильм – очередной жуткий сценарий с подставной «мной». Зная об этом, я успела похолодеть еще до того, как замельтешили первые кадры.

Она носилась по гоночному треку круг за кругом – оттачивала плавнейшие вхождения в повороты, до сотых долей секунды высчитывала скорость, мастерски чувствовала машину. Подвластные контролю руки профессионала, визжали по асфальту шины, мерно рычал двигатель – белоснежный «Асти» Лайзы Аллертон заходил в очередной поворот, когда… прямо перед машиной возникла моя фигура.

Всего метров за пятьдесят до бампера.

И тут же надрывно истошным криком завизжали колеса – Лайза ударила по тормозам – зад авто моментально увело вбок и завернуло. Слетевший с траектории для избежания столкновения с человеком «Асти» почти что на полной скорости врезался в жесткий борт гоночного трека.

Страшный скрежет, смятый бок – противоположный водительскому сиденью, – пар из-под капота, и жуткая для восприятия тишина.

За аварией я наблюдала, скукожившись до размеров собственного сердца, которое колотило по ребрам так, что невозможно было вдохнуть.

«Она расплатится за все. Расплатится».

Вот только от бессилия хотелось рыдать.

Но Лайза, шатаясь, вышла из машины – для этого ей понадобилось долгих секунд десять, – сняла шлем, посмотрела на разбитую машину ценой в несколько миллионов. Затем взглянула туда, где над треком медленно таяла моя фигура.

Звонок Мака Аллертона не заставил себя ждать. Мой телефон завибрировал еще до того, как я успела применить к лысой весь запас русского мата, который накопила за долгие годы жизни на родине.

– Так не делается, Бернарда, понимаешь? – кричали в трубку. – А если бы она разбилась?! Ты понимаешь, что ты сделала? Просчиталась? Еще один такой просчет может стоить кому-то жизни…

– Мак…

– Не ожидал, Ди. Не от тебя.

– Мак!

Но он не слушал. Я никогда раньше не слышала, чтобы Чейзер силился сдержать не только крик, но и те хлесткие слова, которые пытались сорваться с его губ.

– Машину я тебе прощу. Но свою женщину…

– Да послушай же ты!

– У нее легкое сотрясение. Пусть это будет твой «удачный день».

«И не стоит мне звонить», – пронеслись в моем сознании холодные слова до того, как он положил трубку.

Теперь на диване я сидела с закрытыми глазами и до боли сжавшимися вокруг телефона ледяными пальцами.

Что говорила лысая, я не слышала.

– …если через два часа ты не принесешь то, что мне требуется, настанет очередь твоего следующего «друга».

– Дерзай, – отозвалась я ледяным тоном и поднялась с дивана. – За свои дела ты получишь с верхом.

«Это я тебе обещаю».

– Я дотянусь до любого, кто тебе дорог.

– Флаг тебе в руки.

Мне здесь нечего делать. Только заберу Мишу.

Лысая на мгновение умолкла, силясь разобрать смысл фразы с «флагом».

– Новая беда будет настигать их каждые шесть часов. И виновной в этом будешь ты.

– Нет. ТЫ.

Наверное, она думала, что после инцидента с Лайзой, я совершу спринт в Реактор и вынесу из Лаборатории содержимое половины криокамер, лишь бы «пронесло».

Не тут-то было.

Зло возвращается к тому, кто его сеет, – это закон сохранения баланса. И я не стану слабой пешкой в чьих-то грязных планах. «Обрыбится», – как когда-то говорили гопники у моего подъезда.

– Ты принесешь то, что я прошу…

– Сгинь, чмо.

Недобро, но доброты во мне в этот момент не осталось.

Я уже выходила из комнаты, когда она довершила фразу:

– …или твой кот попадет под колеса.

– Сама не попади под «колеса».

Я произнесла это ровным тоном с такими черными от злости глазами, что зрачки «гостьи» расширились, а рот на мгновенье закрылся.

Воспользовавшись паузой, я пошла за Мишей.

* * *

Клэр поклялась, что ни за что не выпустит Михайло на улицу, чтобы никаких «колес».

* * *

– Слушай, как странно, что вчера в штаб попала ракета, – до сих пор не могу понять, как повстанцы подобрались так близко, причем не замеченные радарами. У нас любая ракетница имеет встроенный чип – ее не поднести ближе, чем на два километра к бункеру. Но кто-то смог, собаки. Как?

Эльконто сокрушался, не особенно умело заваривая для меня чай – этим всегда занималась Ани-Ра, но сейчас последней не было дома.

И да – я предприняла еще одну попытку связаться с Дрейком – на этот раз через снайпера. Рискованно, но не сидеть же, сложа руки?

«Каждые шесть часов…»

Они будут страдать каждые шесть часов, если я не найду выход из положения. Точнее, следующий из них уже через полтора часа после того, как предсказание объявила «башка». Черт, в какой водоворот я попала?

– …экран пульта целиком вышел из строя. Крим сказал, что ты оставляла для меня какое-то сообщение, но я его не смог прочесть. Что ты хотела мне передать?

Что? Вот и настал очередной момент чрезвычайной важности – формулирование фразы, которая, быть может, опять ударит по одному из парней.

Мой чай Дэйн заварил, как для себя: слишком крепкий и настолько темный, что через стекло прозрачной кружки не просвечивала лежащая на блюдце ложка.

– Мне нужно, чтобы ты… – мое горло на мгновенье перехватил спазм – «я калечу их своими попытками», – кое-что передал Начальнику.

Дэйн успел нахмуриться, прежде чем на его запястье запищал браслет. Засигналил красной лампочкой, тревожно замерцал.

– Это Ани, – выдохнул бугай и моментально забыл о том, что в его кухне гость. – С ней что-то случилось…

Черт! Черт-черт-черт! Невидимый хлыст ударил не по парню, а по девчонке – на этот раз девчонке Дэйна.

Я мысленно сматерилась.

* * *

Звонок от Баала раздался через час сорок две – как раз в тот момент, когда окрыленная парочкой новых идей, я закончила формировать вокруг себя пространство, напичканное информацией: «Сдаюсь. Иду в лабораторию за содержимым криокамеры…» Если лысая коснется моего ментального поля, она (вероятно) считает именно это.

Зазвонивший же телефон предвещал новые неприятности – так и случилось. Демон рыком сообщил мне о том, что, если я еще когда-нибудь пожелаю поиграть с Баалькой, то не должна буду толкать ее за то, что его дочь «порисовала» на моей одежде фломастером. Мои слова о том, что я ни за что бы не толкнула ребенка, он, понятное дело, слушать не стал.

Пришлось в очередной раз скрипнуть зубами и дать отбой.

Люди верят в плохое очень быстро. Порой слишком быстро.

Хотя, как отреагировала бы я сама, если бы Чейзер вдруг явился в наш с Клэр особняк, толкнул бы кухарку, разбил бы об пол все спиртное из бара и послал смешариков?

«Я бы в первую очередь задумалась о том, что что-то здесь не так…»

Равнодушно шумел многочисленными авто проспект; взвесив все «за» и «против» совершения очередного прыжка и потери при этом энергии (которая мне сейчас очень нужна, чтобы держать вокруг себя ложное поле), я предпочла вариант проще и махнула рукой проезжающему мимо такси.

– Мне нужно поговорить со смешариками.

Незнакомый представитель Комиссии смотрел на меня почти так же отстраненно, как до этого башка из телевизора.

– Это невозможно.

– Почему?

– Они вовлечены в прохождение эксперимента с построением временных тоннелей.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

Мы стояли на первом этаже возле входной двери, куда путь «простым смертным» был заказан. Идеально гладкий, но не скользкий мрамор пола, преобладание серого во всем – краске стен, стойке КПП у входа, униформе местных служащих.

Представитель Комиссии – невысокий мужчина с редкими русыми волосами – уже сообщил мне, что ни Дрейка, ни его заместителя в Реакторе нет. А теперь говорил о том, что и с Фуриями увидеться не удастся. Кажется, сегодня мне катастрофически не везло.

Но я здесь. А напротив меня представитель местной власти – возможно, они смогут помочь и без Дрейка, возможно…

Стоило мне раскрыть рот, чтобы выдавить из себя слова – «мне нужна помощь», – как мой чертов телефон вновь пикнул смской.

«Я его выкину».

Только положения это не спасет.

«Скажешь ему, и один из твоих друзей навсегда останется калекой».

Я прочитала этот «доброжелательный» текст, прикрыла глаза и медленно досчитала до пяти. Конечно, я не буду говорить ей, что Лагерфельд вылечит любого калеку, но мысль о том, что Дэйн, например, падает и ломает руку…

– Послушайте, – неохотно произнесла я вместо того, что намеревалась до этого, – покажите мне, как пройти к криокамерам?

Незнакомый мужчина в форме не выказал ровным счетом никакого удивления.

– Следуйте за мной.

Мы виляли бесконечными коридорами, спускались все ниже – кажется, гораздо ниже уровня почвы, – то шагали по лестницам, то ехали в лифте.

Как далеко. Как долго.

Почему все сошлось в одно: рядом ни Дрейка, ни Сиблинга, ни даже смешариков? Те бы помогли – я верила.

Незнакомый мужчина, стоящий рядом со мной в кабине, молчал. Ему, кажется, не было никакого дела до того, зачем я вдруг попросила показать мне запретную территорию.

– А к камерам разве попадают не через Лабораторию?

– Есть разные пути.

Ответили уклончиво.

Я маялась от неуверенности и тревоги – я воплощала в жизнь «план Б».

Мой «план А» заключался в возможности встречи со смешариками и озвучивании просьбы о помощи, а вот «план Б» выглядел неприглядно, но, возможно, действеннее. Я собиралась попытаться нарушить один из уставов Реактора – например, пройти туда, куда нельзя, взять то, что нельзя трогать, попросить удовлетворить какую-нибудь мою безумную просьбу. Например, выдать мне содержимое криокамеры под номером «3261».

Ведь они обязательно свяжутся с Дрейком, чтобы удостовериться в том, что уполномочены это сделать? А Дрейк обязательно поинтересуется у меня, зачем я пошла в хранилище?

И мы поговорим.

На словах все выглядело просто.

Но проблема случилась тогда, когда мы спустились на лифте на нужный этаж, прошли длинным коридором и вошли в помещение, в котором целая стена представляла собой ряды дверок-ячеек. Мой провожатый указал:

– Это криокамеры.

Я нервно сглотнула, но решила стойко следовать намеченной стратегии:

– Где находится ячейка с номером «3261»?

– Пойдемте.

Я поверить не могла – меня вели туда, куда я просила. Так просто.

Мы остановились поодаль от входа в этот длинный, но хорошо освещенный подвал.

– Здесь.

И указующий жест на одну из дверок без номера – конечно, для меня без номера, ведь представители Комиссии читали информационные поля, и им не нужны таблички.

– Я могу получить то, что хранится внутри?

– Можете. Но для транспортировки содержимого вам понадобится охлаждающий блок.

– Могу? – я почти что взревела от злого отчаяния. – Вы что, вот так просто выдадите мне содержимое? И не спросите Начальника, можно ли это сделать?

Незнакомый мне мужчина совершенно не желал проявлять эмоции. И последующие слова, словно молоток из мультика, вколотил меня в землю по самую шляпку:

– Вам предоставлен полный доступ.

– Полный?!

– Полный. Распоряжение сверху.

Хотелось устало опуститься на пол, прислониться к стене и закрыть глаза.

Дрейк, Дрейк, Дрейк… Он настолько мне доверял, что теперь я запросто могла совершить предательство.

Однако он потому и предоставил мне возможность передвижения без ограничения, потому что знал – я не никогда и ни за что его не предам.

– Мисс, вы будете брать то, что хранится внутри?

Коварный вопрос. Почти что зловещий. Как просто сейчас можно было бы решить все проблемы. Или наоборот нажить новые.

– Спасибо, что проводили, – ответила я сухо. – Брать не буду, но хочу знать, что именно хранится в этой ячейке.

Мужчина в форме кивнул, прикрыл веки и принялся считывать из невидимого мне банка данных нужную информацию.

– В ячейке камеры номер три два шесть один один хранятся охлажденные гометы человеческих индивидов, которым присвоены номера…

И зазвучали цифры.

* * *

С самого детства нам внушают мысль, что «производить впечатление» – это самое важное в жизни. Ответил вежливо – хороший человек. Помог другому – хороший. Получил престижную работу, премию, отличился в соревновании на сообразительность – умный и, значит, хороший. Всю свою бессознательную поначалу жизнь, а после и сознательную тоже, мы, будто влипшие в паутину общественного мнения мухи, посвящаем тому, чтобы другие не отозвались о нас плохо.

Особенно родные и любимые люди.

Я собиралась это правило нарушить.

В ячейке с номером «3261» хранились чьи-то живые клетки, чьи-то ДНК, которые «башка» собиралась использовать по своему назначению. И что-то подсказывало мне, что использовать их она собиралась «не на пользу». А я не собиралась участвовать в заговоре с ней только потому, что так было бы легче избежать неприятностей.

Да, возможно, это будет на какое-то время стоить мне дружбы с ребятами, а также с их вторыми половинами, но стоил ли подобный проступок того, чтобы лишиться дружбы с собой?

«Башка» свято верила, что я слаба. Что первым делом я побегу всем доказывать, что я «не козел», что не совершала плохого, что меня подставили. Да, меня

подставили, но любые попытки кому-то что-то доказать не есть ничего, кроме взбунтовавшегося чувства вины. И страха, что меня перестанут любить.

Скорее всего, перестанут.

И чувство вины будет меня долбить, как и желание перед всем миром оправдаться. Однако, в криокамере живые организмы.

А я, что бы обо мне ни думали другие, на самом деле не совершала плохого.

Глава 3

Неспособная придумать выход из положения, следующие сутки я изо всех сил старалась отключить чувствительность.

Потому что «лысая» злилась на отсутствие результата, а также на то, что я более не выходила на контакт. И мстила.

Первый звонок пострадавшего от руки моего двойника действительно раздался через шесть часов, как и было обещано, а дальше уже через три, через два часа. Позже всего через сорок минут.

И, сидя в нашей с Дрейком гостиной – самым безопасном месте на Уровнях ввиду множества установленных вокруг дома энергетических ловушек, – я делала вид, что звонки друзей меня совершенно не трогают, что мне все равно.

Все равно, что «я», оказывается, заглянула в гости к Халку и подарила тому «местный» коньяк с родины, попробовав который он жестко отравился и временно потерял способности сенсора.

– Это была не очень хорошая штука, Ди…

Все равно, что «я» заглянула в гости к Элли и сообщила той, что через пару дней навсегда заберу котенка Хвостика – мол, в мирах нужно сохранять некий баланс

переноса вещей. И Элли, по словам Рена, вот уже несколько часов ходит в слезах, потому как Хвостика они полюбили оба. Аарону Канну «я» зачем-то стерла некие секретные карты с компьютера – те самые карты, которые он собирал годами.

– Зачем, Дина?

Хороший вопрос – зачем.

Я пила наше с Дрейком вино. Потому что с него меньше болело сердце, потому что с него что-то отключалось, и не так сильно тошнило от беспомощности.

Ани-Ра, когда я посетила Дэйна, чтобы попросить о помощи, оказывается, сильно вывихнула ногу – пришлось везти к Стиву. А Стив перезвонил мне позже и спросил, для чего «я» в последний визит недобро бросила Тайре, что ее место на Архане? Ведь это ее болевая точка…

«Привет, новая Бернарда. Бернарда-сволочь», – хмыкала я с горечью.

Люди верят в плохое. Жаль.

Но разве не поверила бы плохому я, если бы Мак однажды заглянул к нам с Клэр в дом, обозвал мою подругу дурой, разбил бы пару бутылок спиртного из бара о стену и послал бы нах… смешариков?

«Я бы точно подумала, что что-то здесь не так…»

Они, вероятно, тоже допускали мысль о том, что что-то не так. И пока еще не обменялись друг с другом информацией о моих проступках – вежливость, вечная вежливость. Иначе давно бы заподозрили неладное.

Конечно, я могла бы бросить им смс сообщение: «Соберитесь и поговорите обо мне», – только, что толку? Положим, ребята поняли бы, что действовала либо не я, либо зомбированная версия меня, и пришли бы предложить помощь – что дальше?

А дальше я не смогла бы сказать им не слова.

Снова. В ловушке.

Я никогда не увлекалась алкоголем, но с пары бокалов хоть немного унялась эмоциональная чувствительность.

Оказывается, совершенно неприятно быть в глазах других дрянью. Вот только Дрейк всегда учил, что поддаваться страхам нельзя. Иначе начинаешь действовать из чувства вины, из обиды, из гнева, из разочарования, мести… Передай я содержимое криоячейки «лысо-бабе», возможно, осталась бы в глазах дорогих мне людей лучшим человеком, нежели теперь, однако на полотне моей судьбы однозначно возник бы новый кармический узел.

Когда без пятнадцати восемь вечера раздался очередной звонок от Аллертона, я не взяла трубку – не хотелось ни оправдываться, ни выслушивать новые обвинения.

Около десяти вечера пошел дождь. Я поддалась унынию.

Лежала на кровати, глядя в потолок, и физически ощущала, как теряю их всех: Дэйна, Дэлла, Мака, Халка… – всех. В моем воображении они отворачивались от меня, прятали сожаление и разочарование во взгляде, уходили. Будто просили прощения за то, что так получилось: мол, Ди, мы не хотели…

Я не винила их, вот только печаль усиливалась.

Если продолжать такими темпами, то скоро в этом мире у меня не останется ни одного друга. И, приди я к тому же Чейзеру в гости, передо мной молча закроют дверь. Растерянно пожмет плечами Дэйн, постарается скрыть, что не желает общаться, улыбнется. Но уже неискренне. И, наверное, все еще вылечит в случае необходимости Стив, но разговаривать будет сухо, как незаинтересованный в здоровье пациента врач.

«Потому что так не делается, Ди…»

Так делается.

Так делается, мать его, – рвалась я на части изнутри. Делается, когда хочешь остаться чистым и сильным внутри, когда не желаешь лгать и предавать, когда не отвечаешь местью на месть. Если любишь этот мир – люби его. Каждый получает по заслугам – однажды система Вселенной отыщет энергетический адрес лысой мымры и ударит по ней так, что мало не покажется.

А пока… тихо, больно.

И уже селится внутри, раскладывая простынь и подушку, странное и непривычное одиночество – мол, я у тебя посплю?

Спи.

Дрейк вернется… Он все равно вернется.

Без него я снова сделалась маленькой бессильной девчонкой, нуждающейся в защите.

«А что, если она доберется и до него? Убедит, что я – дерьмо? И его тоже…»

Абсурдная мысль, не имеющая права на существование, но все же она закралась. И, несмотря на весь веющий от нее ужас, я нехотя принялась обдумывать эту ситуацию.

«Что будет, если от меня отвернется и Дрейк?»

Он не отвернется.

Но что будет, если…

И тут же сделалось стыло, как в могиле.

Представился вдруг и его разочарованный взгляд, укоризненное качание головы: мол, Ди, я такого от тебя не ожидал.

И нежелание более учить, разговаривать, быть вместе.

Хотелось реветь.

Жестким усилием воли я встряхнула себя: тихо, Дина, тихо! Именно так работают страхи – заставляют тебя вообразить то, чего, возможно, никогда не будет, но энергию ты потеряешь уже сейчас.

Я поднялась с кровати, успокоилась, принялась ровно и глубоко дышать. Подошла к окну, за которым мок утонувший в сумерках сад, уперлась лбом в прохладное стекло.

«Я верю Дрейку? Верю. И он верит в меня… Мой мужчина – не тот человек, который будет рубить, не разобравшись».

Но тень ужаса «я осталась совсем одна» все еще витала надо мной, как усталая птица печали, которой хотелось куда-то опуститься и свить гнездо.

«Нет, не на моей голове. Не в этот раз…»

Пришлось выпить еще бокал вина, а после лечь спать.

И только я закрыла веки, как меня посетила еще более жуткая мысль, нежели предыдуща: «А что, если лысая доберется до мамы?»

Остаток бессонного времени, чтобы не вляпаться в паутину неконтролируемого страха и не укутаться в панику, я запрещала себе о чем-либо думать.

* * *

Мрачное утро поливало крыши домов дождем; шквалистый ветер гнул ветви деревьев так легко, будто то были не ветви, а птичьи крылья – того и гляди все клены отпустят корнями землю и взлетят. Хмуро и живописно выглядело полное серых облаков небо; я, втянув голову в плечи, шагала к «Карте Судеб».

Вероятно, Дрейк вернется этим вечером или же следующим утром, вот только у меня не было столько времени. Не было. В кармане джинсов лежал телефон с новой смской от «лысой»: «Не выйдешь на связь через три часа, начнешь считать

жертвы».

Она сделает что-то страшное – без сомнения. Скоро кто-нибудь сломает руку, ногу или шею, однако вступать в новый «контакт», так или иначе, не имело смысла. Будут угрозы, новые «фильмы» о проделках ложной меня, попытки сломить мой и без того не слишком крепкий сегодняшним утром дух.

«Здесь хорошо думается, заходи», – говорила женщина в тюрбане. И я шла, потому что сейчас мне не просто требовалось подумать, а очень требовалось.

На деревянной двери, когда я толкнула ее внутрь, качнулась табличка «Добро пожаловать», и тут же запахло листьями мяты, малины и лимонной травы. Кафе привычно пустовало. Грубо сколоченные, не покрытые скатертями, столы ждали тех, кто облокотится на них, обнимет пальцами горячую чашку чая. Сделать это собиралась только я.

Выбрала привычный столик, расположилась, окинула взглядом стоящие поодаль на прилавке стеклянные банки с травами. Не стала открывать меню – знала, что закажу то же самое, что и в прошлый раз. Закрыла глаза, попыталась отстраниться от эмоций, которые драли изнутри: страха, безнадеги, накатывающей, словно прибой, тоски.

Почему нет выхода? Почему я его не вижу?

Если я отдам «башке» содержимое криокамеры, меня никто не осудит. Никто – ни ребята, ни Дрейк. Никто не скажет, что я слабачка, что сдалась, когда могла сделать иначе, не укорит ни словом, ни мыслью.

Но сдаваться – последний вариант. Однако где другие? Как найти их?

Кто-то опустился за мой столик напротив – зашуршала ткань длинной юбки. Передо мной уже стоял чай, а из-под зеленого на этот раз тюрбана смотрели проницательные, но невеселые глаза хозяйки «Карты».

– Беда? – спросила она, не здороваясь.

Я кивнула. Поджала губы, шумно выдохнула и промолчала. Отвернулась.

– Пей. Думай, – посоветовали мне лаконично.

Но я уже думала, в том-то и дело. И не особенно верила, что в ближайшие полчаса придумаю что-то новое.

– Помогите мне, – вдруг повернулась и попросила я.

Блеклая на первый взгляд женщина моментально подобралась, прищурила глаза.

– Просишь о помощи?

– Прошу.

И после долго молчала, размышляя.

– Когда просят, надо помогать. Вот только, если касаешься чужой беды, она бьет и по тебе, понимаешь? Это надо учитывать.

Я вовсе не была уверена, что понимаю материи, о которых она толкует, – она тоже чувствовала «лысую», тоже опасалась ее? Эта «гадалка» однозначно имела дар смотреть в тонкие слои пространства, иначе никогда бы не открыла «Карту», никогда бы не чувствовала чужие эмоции. А она их чувствовала.

– Я дам тебе подсказку. То будет помощь без помощи – безопасно. Согласна?

Я была согласна на что угодно. Что. Угодно.

– Говорите.

Мне придвинули кружку с чаем. Сообщили:

– Платить не надо, – дама с круглыми глазами подалась вперед и понизила голос: – Реальность и сон – одно и то же, понимаешь?

Если я и понимала, то лишь отчасти, абстрактно. Гадалка же продолжала говорить:

– Все миры пересекаются, все. Этот и другие. Из одного можно коснуться другого и наоборот. Если решишь этот ребус, все получится. А теперь пей…

И она ушла, оставив меня скрипеть зубами от предчувствия, что в очередной раз ничего не выйдет, и вскоре я начну «считать жертвы».

* * *

«Реальность и сон – одно и то же…»

Я шагала, не выбирая направления, прямо под дождем.

Сон – реальность… Как все это связано?

На бетонной дорожке, проходящей вдоль задней стены пятиэтажного дома, сидели мокрые взъерошенные голуби – прятались от дождя на сухих пятаках под балконами. Мне бы тоже туда, где тепло и сухо, но сегодня не тот день – пока я не найду выхода из положения, тепло мне не будет нигде.

Покрышки машин шипели по раздавшимся лужам, разбрызгивали на обочины фонтаны; укрылись мини-домиками-зонтами редкие прохожие.

Дрейк пока не учил меня осознанным сновидениям, говорил: сложная тема. Более того, опасная. Для того, чтобы войти в режим осознанного сновидения, у меня не было как а) надлежащего опыта, так б) не было и опыта в передвижениях по миру сновидений. Иными словами, я могла убить не одну ночь лишь на то, чтобы увидеть в очередном сне не абы что, но, например, Дрейка, и еще не один год для того, чтобы передать послание.

Не то. Не сработает.

«Миры пересекаются».

Возможно, но как из одного из них попасть в другой? Это ведь не «прыжок», это другое.

Проехал умытый дождем автобус – сверкнула с его бока яркая реклама о новом парке аттракционов «Муринга». Улыбающийся парень, по лицу которого текли дождевые струи, будто плакал.

«Если она имела в виду прямой выход в астрально-ментальное поле, то как это сделать? – ломала мозги я. – Медитацией?»

Медитация – процесс далеко не всегда контролируемый. Да, находясь в ней, можно попробовать передать послание, но оно, скорее всего, будет перехвачено «лысой». И кто-то пострадает.

«Нет, все это «здесь», все слишком близко. Уходить надо, как на радиоволнах, на другой план. Дальше, выше…»

И я вдруг застыла прямо посреди дороги, потому что неожиданно поняла – как.

Поход к Лагерфельду, который из-за инцидента с Тайрой не жаловал меня в гости, стал настоящим испытанием. И всю дорогу, пока я раздумывала, как рассказать ему о моей просьбе, глухо и испуганно колотилось в груди сердце.

«Все это слишком рискованно. Вот только, если не попробовать, уже через час начнутся «жертвы».

Выбирать не приходилось. Прыжок на мокрое крыльцо; звонок в дверь. И шаги за дверью.

Мы сидели в его кабинете: я хмурая и мокрая, готовая к боевым действиям, а док непривычно молчаливый, настороженный.

– Ты, правда, веришь, что я могла сказать ей такое? Своей подруге?

– Я слышал. Я был в той комнате.

– Это была не я.

И долгий взгляд друг другу в глаза. Тяжелый вздох после.

– Ладно. Говори, чем я могу тебе помочь?

Он не верил мне – точнее, верил, но не до конца – не мог уложить в голове поведение меня «той» – ложной – и «этой», которая сидела теперь перед ним.

– Мне нужно от тебя большое одолжение. Большое.

– Я слушаю.

– Погрузи меня в искусственную кому.

Он смотрел на меня долго и тяжело, а молчание в продолговатой комнатушке с двумя кушетками – местной операционной – сделалось свинцовым.

– Ты понимаешь, о чем говоришь?

Я сглотнула. Как зябко внутри, как неуверенно.

– У меня нет другого выхода.

– Зачем, Ди?

– Не могу объяснить.

– Нет, будь добра. Меня Дрейк за такое по голове не погладит.

– Он… разберется.

Мне приходилось с осторожностью сапера подбирать слова.

Свет, льющийся в единственное окно «операционной» из-за непогоды сделался тусклым и серым, но Лагерфельду не требовались ни лампы, ни инструменты, чтобы лечить.

– Сейчас. Не тяни. У меня нет…

– Бернарда, искусственная кома – состояние, когда астральный план полностью отрывается от физического, и возвращение может не пройти гладко. Грубо говоря, ты можешь потерять способности. Все тонкие тела во время комы разъединяются, иногда процесс носит необратимый характер.

– Знаю. Но нет времени.

– Нет, на такое мне нужно разрешение от Дрейка.

– Да не будет у тебя разрешения от Дрейка! Он не успеет вернуться.

Я впервые смотрела на Стива с металлической тяжестью в глазах. Как на войне, как на полевого врача, которого просила отрезать себе руку.

– Нет времени, слышишь меня? Нет. Времени, – повторила с паузой между словами. – Иначе бы я не просила.

И человек, привыкший к стрессовым ситуациям, к увечьям, к постоянным стонам больных и раненых, нервно сжал лежащие на коленях ладони в кулаки.

– Ты знаешь, что творишь?

– Делай, – повторила я. – И как можно быстрее.

– Он меня по голове не погладит, – качал Лагерфельд рыжеволосой шевелюрой, поднимаясь. – Он меня…

– Скорее.

Я достала из заднего кармана джинсов сотовый, зажала его в руке, чтобы не мешал, и улеглась на кушетку.

* * *

Спустя пару минут я сидела на кушетке и удивлялась тому, что не чувствовала больше страха. Совсем. Одну только пьянящую всеобъемлющую свободу до головокружения. Стив что-то сделал со мной (вылечил?), изъял из души весь сумрак и выпустил в полет – казалось, у меня расправились крылья.

Почему никогда раньше я не ощущала подобного? Ведь отсюда – именно с этой точки пространства и времени, из этого измерения все только начинается: новый Путь, новые знания, достижения и победы. Именно отсюда я могу сделать первый правильный шаг и совершить нечто грандиозное. Прочь мешавшие некогда чувства, прочь сковывающие сознание рамки, прочь барьеры…

Нужно рассказать об этом совершенно чудесном состоянии Дрейку…

Стоило подумать о Дрейке, как тревога, словно зазвонивший где-то далеко – на том конце нити – колокольчик, дала о себе знать.

Я тряхнула головой.

– Стив… Что ты со мной сделал? Вылечил?

Док не смотрел в мою сторону – он смотрел куда-то за меня, на лежащего на кушетке человека.

Кто там? Я присутствую при излечении кого-то другого?

Док с крайне нервным выражением лица проверял пульс – держал своей рукой женскую неподвижную руку, чьи пальцы сжимали мобильный.

Мой. Мобильный.

Меня дернуло так резко, что я вдруг, не ощущая ни верха, ни низа, подлетела с кушетки. Едва не закричала от накатившей вдруг паники, заболталась, замоталась, кувыркаясь, перестала трепыхаться уже под потолком…

Я… сплю? Я вышла из тела в осознанном сновидении?

И увидела до боли в груди тревожную картину: Лагерфельда, измеряющего пульс, которого, судя по всему, почти не было. И себя. Бледную, как будто глубоко спящую. Или же… мертвую.

И вновь дернулась так резко, так дико, будто пыталась убежать из клетки: мне нужно вернуться, вернуться… Мне еще не пора… Что происхо…

Мобильный мигал непрочитанной смской – я на мгновение притихла.

«Все начнется через десять минут», – вдруг уловила я суть электронного послания дистанционно.

И неожиданно все вспомнила: лысую, беды, которые на меня свалились, звонки друзей, просьбу доку.

Так вот почему у дока такой землистый оттенок лица.

«ДРЕЙК! – заорала я, превратившись в единый сгусток энергии. Куда кричать? Есть ли здесь направления? – ДРЕЙК! ДРЕЙК!»

Сидящий внизу Стив от моего крика даже не вздрогнул.

* * *

Высокие окна по всему периметру, а за окнами тьма. И ни звезд, ни воды, ни почвы. Хорошо освещенный зал для временных совещаний – точка в расформированном пространстве, которому вскоре предстояло стать физической материей.

За столом сидело семеро – только самые продвинутые умы, только самые могущественные представители расы, имя которой в эквиваленте земного языка звучало бы как «Сатхе». Совещание не прерывалось ни на минуту – за окнами зала клубилась нестабильная тьма, и время на ее стабилизацию было ограничено:

– Вы предлагаете установить второй Стержень? – Дрейк Дамиен-Ферно внимательно посмотрел на человека с вытянутым лицом и узкими глазами – Тройдо Атвича. – На формирование второго Стержня уйдет почти двое суток, плюс ресурсы…

– Работа с распределенным коллайдером даст те же результаты, но в более короткие сроки, – вмешался Джон Сиблинг, которого отвлекли час назад от работы, чтобы получить еще одно квалифицированное мнение.

Атвич покачал головой.

– Стержень удержит куда большее пространство, нежели коллайдер. По всей его протяженности луча можно будет структурировать точки входа-выхода, а также дельта-отрезки для переброса отработанной материи.

– Вы? – глава посмотрел на невысокого плотного человека с круглым лицом.

Кино Рант вращал в руках пластиковую ручку. Он никогда не писал ей, но осталась странная привычка, делавшая его похожим на человека.

– Коллайдер поможет быстрее начать, а также в его луче можно будет запустить формирование столба Стержня.

– Хороший вариант. А как насчет…

Дрейк хотел сказать «привязки основания Стержня к существуюшему Лучу, чтобы избежать пересечения?»

Хотел, но не произнес, потому что в этот самый момент услышал в собственной голове то, чего услышать не ожидал, – призыв: «Дре-е-е-йк!»

Голосом Дины.

Человек с неприметным на первый взгляд лицом и тяжелым взглядом серо-голубых глаз – глава всех представителей Комиссии, как они звались теперь, – вздрогнул.

Он не мог слышать голос Бернарды тут – в этой точке пространства без материи. Не мог – передача ее мозгового сигнала сюда не прошла бы. Потому и предупредил, что «занят», чтобы не тратила силы и не пыталась связаться.

«Дре-е-е-ейк!»

На этот раз слева от него вздрогнул и Сиблинг – тоже уловил идущий сквозь астральные слои импульс.

– Ты это слышал?

Джон выглядел удивленным. И он однозначно прислушивался.

– Слышал? – тихо и с нажимом переспросил Начальник.

– Слышал. Это…

– Бернарда.

Дрейк резко поднялся.

– Я вернусь через минуту. Продолжайте обсуждение.

Пока он шел к дальней точке комнаты, зов повторился еще трижды – каждый раз слабее предыдущего.

– Что за…

Он остановился у дальней стены зала, похожего на парящий в небытие герметичный отсек космического корабля, – стены, отделяющей главное

помещение от портала-коридора, – и прикрыл глаза. Так же, как это делал Мак Аллертон, попытался нащупать след своей женщины в конкретной точке физического мира и… не почувствовал его. Чертыхнулся, предпринял еще одну попытку. Ухватился за шлейф зова, попытался отследить, откуда он исходит, и вдруг с екнувшим сердцем осознал, что зов не исходит из… мира живых.

– Нет, – тут же выдохнул судорожно, – только не это. Только не это, Дина!

И от паники, что завладела его разумом прежде, чем он успел с ней справиться, Дрейк резко выбросил вперед руку и насквозь проломил стену в коридор.

– Не снова. Только не снова…

Не открывая глаз, вытащил из дыры саднящий кулак, с которого сыпались крошки бетона, и понял, что не в состоянии успокоить собственное сердце.

Наверное, на него смотрели.

Она… ведь… не умерла?

За всю историю своего существования Дрейк уже однажды чувствовал это – черную от ужаса безнадегу, – когда его Ди рассталась с жизнью на проклятом Уровне «F».

А теперь снова…

– Джон, – прохрипел Дрейк хрипло. – Продолжай. Ты за главного; решите, что делать с Лучом.

Сиблинг не успел возразить – он увидел странное: Начальник, продолжая мысленно и с закрытыми глазами сканировать пространство, отошел от поврежденной стены, опустился на стоящую поодаль скамью, почти упал спиной на штукатурку. А после сгустком энергии вышел из собственного физического тела: мерцающей массой поднялся до середины комнаты и хлопком вышел в астральные слои пространства.

Джон с поглупевшим видом прочистил горло. Остальные смотрели на заместителя со столь редким для их расы изумлением во взгляде.

– Что-то случилось? – задал интересующий всех вопрос Атвич.

– Ничего, – качнул головой Сиблинг, совершенно не будучи в этом уверен. – Продолжаем совещание.

* * *

– Это не…, я всего этого не хотела…

Бернарда – бестелесная, светящаяся – сидела, сложив руки на коленях, и качала головой.

– Дрейк, я…

– Молчи, мне надо подумать.

Он забыл, когда в последний раз в жизни использовал фразу «это потрясло мое воображение», но то, что он теперь видел перед собой, не просто потрясло его воображение – оно его «взорвало».

Ни один профессиональный подрывник не смог бы сделать такого – астрально заминировать человека, – но сидящая перед ним женщина – его любимая женщина – была с ног до головы опутана «проводами-ловушками». Настоящими кармическими минами: потяни руку в одну сторону, и астральный удар получит один человек, в другую – другой человек.

Вся. С ног до головы.

Дрейк растерялся. Не потому что не знал, что делать, но потому что никогда и ни за что не мог предположить, что однажды увидит такое. Он приблизился, всмотрелся в нити, поразился искусному смертоносному плетению. Спросил:

– Кто это сделал?

– Не знаю.

Они переговаривались мысленными импульсами – в бестелесном мире голоса не звучали.

– Тебя… заминировали.

– Я знаю… Дрейк, я больше не знала, как связаться с тобой, что вообще делать. Каждый мой шаг, каждое движение… Постоянно кто-то страдал. Дэлл обжег руки, Ани почти сломала ногу, у Аарона карты, у Баала…

– Подожди. Помолчи.

Астральный выход не был привычен ни ему, ни ей, и Дрейк постарался максимально сфокусироваться – помогать надо быстро и умело. Опустился перед любимой на колени, пристально вгляделся в нити, принялся отслеживать – какая и куда. Все к людям, которых она знала, которых любила. Десятки черных нитей, сотни. Принюхался, откуда пришло плетение, понял, что не ощущает ярких следов. Временно оставил это занятие. Вместо этого сосредоточился на «разминировании» – максимально быстро читал программы: смертоносный код, – крутил в голове верные варианты обезвреживания. Через секунду протянул вперед руку и снял первую нить-предохранитель. Понял, что сейчас, в эту минуту, будь он в физическом теле, покрылся бы потом от волнения.

– Со мной что-то сделали…

– Да.

Программы воздействию поддавались неохотно – мозг Дрейка работал на полную. Эта ведет к Аарону Канну… Убрать «срабатыватель», очистить энергетическое поле от чужого воздействия, собрать пучок, постараться отправить тому, кто его поставил… А след «отправителя» бомб терялся в переотражениях. Дрейк как мог сдерживал ярость, чтобы та не колыхала пространство. Следующая тянется через невидимые слои к Чейзеру…, очередная к Халку…

– Кто это сделал, Ди?

– Я ее не знаю.

– Ее?

Поразительно, как Дину не утянуло пространство этого мира. В этой тонкой прослойке астрального плана люди не успевали зацепиться, зафиксироваться и теряли связь с привычным, равно как и с собственной физической оболочкой. Но Ди держалась. Сжавшись в комок, не поддавалась зову тоннеля, который уводил разум из материального бытия.

– Да, ее. Она явилась через телевизор. Но сначала пропала Клэр…

И потек полный деталей рассказ о злоключениях. Дрейк слушал и работал одновременно – с бесконечной осторожностью отсоединял одну нить от другой, нейтрализовал пучки, убеждался в том, что «деактивация» не навредит стороннему объекту, и только после этого снимал черное плетение.

И индевел сознанием. Тот, кто это поставил, должно быть, лишился разума – установил переброс чужой кармы на невинного человека, заставил Бернарду желанием спасти себя и помочь другим наносить удары сторонним людям… Господь свидетель, но с рук подобное еще не сходило никому.

А после услышал еще и про фантома – ложного двойника, воплощенного в физический мир.

И позвоночником ощутил: плохо дело. Задача астрального минирования – сложная задача, но создание фантома – вещь почти неподвластная простым смертным. И, значит, дело они имеют не с человеком.

На секунду даже побагровел изнутри, едва удержался от того, чтобы не трансформироваться в хищника. Усилием воли унял всплеск.

– Знаешь, что со мной случилось, когда я понял, что тебя нет в мире живых?

– Прости… Не было другого выхода. Время утекало; она бы добралась до мамы…

– Как ты попала сюда?

– Стив. Я попросила его положить меня в кому.

Умно.

Будь у Дрейка привычное лицо, оно бы усмехнулось. Кто бы там вдалеке ни управлял этими нитками, Бернарда обвела его вокруг пальца. Вот только с риском никогда не вернуться обратно.

– Ты не ругай его.

Он как раз думал о том, что Стиву жопу надерет.

Пришлось уступить.

– Не буду.

Дрейк работал, как робот. Нить, еще одна, следом еще, а после еще…. Он уставал, в какой-то момент ему начало казаться, что время ускорилось и что там, внизу, пролетают годы, а вокруг световое пространство летящего мимо космоса. Чертов тонкий мир – он всегда играл с разумом злые шутки.

– Ты ведь меня освободишь, правда?

– Да.

Печальная Бернарда притихла. Спросила спустя какое-то время:

– Дрейк?

– М-м-м?

– Скажи, я в чем-то провинилась? Что на меня навесили такое?

– Сомневаюсь. «Навесить» такое можно было на любого человека, который совершил в жизни хоть одну ошибку и не попросил за нее прощения. И, значит, уже пробил целостность «иммунной» оболочки.

– Значит, я… не плохая?

– Не плохая, – он разбирался в сложных хитросплетениях клубков, изредка (по оставшейся из физического мира привычке) пытался тереть тыльной стороной пальцев собственное светящееся лицо, мысленно чертыхался, когда не чувствовал щеки. – Осталось недолго, потерпи.

– Но ведь ошибок много? Она снова сможет меня заминировать, когда мы вернемся.

– Не сможет, – жестко отозвался стоящий на коленях мужчина. – Или грош мне цена.

Бернарда вдруг улыбнулась – пространство вокруг вспыхнуло золотистыми искорками.

– В мире Уровней нет грошей.

– Зато у вас есть.

– Ты… помнишь.

Ласковый взгляд – его будто погладили по голове.

– Я все помню.

Из десятков черных пучков осталось три – он вновь принялся снимать «порчу».

* * *

Я давно не видела его таким – молчаливым, хмурым и сосредоточенным до предела. Пасы руками, непонятные жесты, одномоментный вызов нескольких

мерцающих карт в воздухе, внос в них непонятных мне изменений.

Подо мной привычное мягкое кресло гостиной; за окном смеркалось, лил дождь.

А Дрейк все крутил пространство: защищал особняк, меня, всех ребят спецотряда, их женщин. Алесту и Баальку на Танэо, мою бабушку и маму, даже наших питомцев – всех.

За те три часа, которые мы провели дома, он не проронил и двух слов, и это означало, что настал «красный» режим, что клубящаяся вокруг нас опасность приблизилась вплотную и что дела плохи.

Я Великого и Ужасного не отвлекала – ему нужно было закончить. Ощущала радость от того, что он рядом, что, наконец-то, в курсе событий, что больше не одна. Заранее достала из шкафа вино, протерла два бокала, выставила на стол. Позже пригубим по паре глотков вместе.

И все еще не могла поверить, что «свободна».

Нет, «лысая» не исчезла. Но она хотя бы временно и чужими усилиями от меня «отвязалась».

– Она вернется?

Он закончил лишь к полуночи. Мы сидели в креслах у кофейного столика, слушали льющий снаружи дождь:

– Без сомнения. Иначе вообще не стоило начинать эту игру и так рисковать.

– А она рисковала?

– Сильно. И она за это заплатит.

Она. Кто?

– Ты смог нащупать след?

Терпкое на вкус вино; прохладная и гладкая ножка бокала в пальцах.

– Нет, – жесткий, почти хищный профиль мужчины рядом. Задумчивый и совершенно не добрый взгляд – от Дрейка несло сдерживаемым смертоносным азартом. – Все проведено через переотражения, через иные измерения. Такое сложно было бы сделать даже…

«Мне?»

Какое слово недозвучало во фразе?

Странный вечер – тихий, но тревожный. Казалось бы, вокруг «обычность»: любимый мужчина, грациозный рояль, на котором он иногда играет, родные стены. Но нет, «обычность» стала ощутимо хрупкой и нестабильной, истончилась. Дождь, Нордейл, машины, небоскребы, спальные районы… А где-то рядом невидимый враг – принюхивающийся, скалящийся из темноты, щурящий недобрые желтые глаза.

– Не умеем мы жить спокойно, да?

Мы понимали друг друга без слов. Но говорить с Дрейком – как пить вино: всегда по-новому, всегда наслаждение.

– Значит, пришло время новых уроков, Ди. Спокойно существуют только покойники.

Я невесело улыбнулась. А после соскользнула с кресла – перебралась на соседнее, на теплые колени. Обняла Дрейка руками за шею, уткнулась своим носом в его шею.

– Спасибо, что спас меня сегодня.

– Я спасу тебя от любого человека. И не человека.

И вновь спокойно, мирно. Чуть отъехал в сторону лежащий на сердце камень. Вероятно, удивительно, но именно в такие моменты – моменты опасности – я особенно сильно ощущала, что мы – команда.

– Ты только… не рискуй так.

«Не было выбора».

И не было надобности повторять эту фразу вслух – он знал. Но волновался.

Никто не желает треснуть по швам дважды, а Дрейк, когда на Уровне «F» случился момент моей смерти, уже однажды это сделал. Он молчал об этих ощущениях, но никогда о них не забывал.

– Со мной все хорошо.

Хорошо. Относительно. Если бы не скребли на душе кошки от того, что первый бой и выигран, но осталась еще Бернарда-дрянь, испортившая близким людям жизнь. И они до сих пор верят…

– Ты чего?

Дрейк уловил мою печаль, и я тяжело вздохнула.

– Надо как-то объяснить им,… что это была не я. Что я не стирала карты, не травила Халка, не собиралась забирать Хвостика.

– Оставь это мне.

Он всегда приходил мне на выручку: подставлял мощное плечо, опускался на колени, целовал в щеку и мягко просил подождать. Решал проблемы, выручал, никогда не оставлял без своей теплой ладони. Параллельно учил, наставлял.

Он любил.

Возможно, что-то в этой жизни прошло мимо меня, но уникальная возможность познать любовь настоящего мужчины мне все же выпала. И моя благодарность не знала границ.

– Они думают…

– Т-с-с-с….

Теплые ладони, гудение которых я все еще ощущала, несмотря на проведенное вместе время, гладили мои волосы, касались уха, шеи. Прижатые к виску губы; биение двух сердец, время на одной волне.

Он знал все нежные слова, которые я когда-либо захочу сказать, а я кожей ощущала его ласковые мысли.

– Мы справимся, Ди, не волнуйся. Мы со всем справимся.

* * *

– Дрейк, а что было в той камере? Может, это даст ответ на вопрос – кто это был?

– Нет.

Шепот в темноте. Густой мрак спальни; мягкие простыни. Перестук капель по листьям за окном.

– Там ведь были какие-то живые клетки?

– Да. И это еще больше меня запутывает.

– Почему?

– Потому что в камере под номером «3261» хранится сперма.

От удивления я на некоторое время перестала дышать и так широко раскрыла глаза, что, сфотографируй меня сейчас со вспышкой, можно было бы над фото хихикать всю жизнь.

– Чья?

– Людей, которых ты знаешь.

Сверкнула молния. Через несколько секунд в отдалении прогрохотало.

– Каких… людей?

– Мака, Дэлла, Аарона… всех.

– Ты зачем-то хранишь их сперму?

– Затем, что в жизни случается всякое. Это ДНК.

– А они…

– Да, они об этом знают. Клетки были взяты с их согласия.

И я затихла. Мои вопросы не кончились, но потерялись, будто съехали в тупик.

«Лысая» гонялась за спермой?! И это их – будущих детей Халка, Рена или Дэйна – я едва не отдала инопланетной сущности? Чтобы та плодила их в своих «утробах» и резервуарах?! Мне моментально вспомнились все ужасы, когда-либо описанные извращенными человеческими умами.

Не отдала. И никогда не отдала бы.

– Ты зачем мне дал полный доступ в Реакторе?

Не удержалась, спросила почти что обиженно.

А если бы сил не хватило? Если я вынесла ей содержимое камеры?

– Потому что это взращивает уровень ответственности.

Точно. Ответ в духе Дрейка, по мнению которого «ни одно действие в этой жизни не должно совершаться бессмысленно».

Я вздохнула. Потом хмыкнула. Затем подумала, что надо назвать его каким-нибудь едким словом.

И вместо этого обняла.

* * *

– Дрейк, а почему они?

Возможно, банк спермы существовал и хранился для всех жителей Уровней, но я об этом не подозревала. Состоявшийся ночью разговор не выходил у меня из головы.

Утром мы завтракали горьким кофе и тостами – никаких изысков. Нет времени. Кружили, словно вороны по небу, серые облака – изредка брызгали дождем, иногда уступали место влажному ветру без мороси. Колышущийся в переотражениях и похожий на Венецию, Нордейл утопал в лужах.

– Почему наши ребята?

– Да.

Мы редко пользовались серой служебной машиной, но сегодня Дрейк в целях одному ему ведомой безопасности категорически запретил «прыгать».

– По двум причинам.

Наши дверцы захлопнулись почти одновременно; заработал мотор. Поползла вверх, впуская в гараж свежий воздух, неторопливая дверь.

– Причина номер один, – легли на руль мужские руки, – заключается в том, что эти ребята имеют исключительно хорошую генетику. Они умны, сообразительны, выносливы, здоровы и хорошо выглядят, как ты заметила.

Да уж, заметила я сразу. Мне до сих пор помнилась первая встреча с Маком Аллертоном – местным Терминатором. Греховно-красивым, как воплощенное в человеческое тело божество, и таким же опасным. Лайза до сих пор млела от него, я видела. Собственно, остальные от Чейзера тоже не отстали: Халк с глазами, как серебро, платиновый Дэлл, Мишка-Дэйн, брутальный донельзя Баал…

Если уж создавать человечество заново, то именно с таких ребят, чтобы не стыдно…

– Причина номер два, – пояснял тем временем мой совершенно не менее брутальный в некотором смысле водитель, – заключается опять же в их генах. Их набор расширен. Нет, не мутирован…

Дрейк посмотрел на меня с ехидной усмешкой и покачал головой – нет, я вовсе не успела подумать «мутанты?». Ведь не успела?

– У каждого из них есть один дополнительный ген-ключ: ген предназначения. Тот самый, который сплетен с кармической связью и определяет судьбу. Например, Халк, как ты знаешь, отлично проникает в скрытые слои человеческой памяти, используя внутренний взор. Мак этим взором способен отследить врага на расстоянии. И не только – воздействовать на него, разрушая. Наш док умеет лечить. Чем? Руками. И опять же способность использовать для этого энергопласты информации, грубо говоря, тонкий мир. Как думаешь, сколько я искал этих ребят?

– Я не знаю.

– Я знаю.

Он уже сидел в форме – привычном глазу серебристом костюме с белой полосой на боку. Я подумала о том, что так ни разу и не нашла времени спросить, кто же разработал им такой «фирменный» стиль одежды?

– Долго. Умея видеть больше и шире, нежели обычное существо, я перебирал и перебирал тысячи мужчин – не просто высоких, красивых, сильных или умных. Я искал тех, в ком природа изначально выявила ген предназначения.

– А почему он есть не у всех?

– Когда-то с ним рождается каждый. Когда-то. Если сумеет доказать природе, что достоин его заслужить. А дальше дело за малым: раскрыть потенциал. Если подобные люди рождаются, но потенциал не раскрывают, их ждет довольно плачевная судьба.

Я так же никогда не спрашивала его о том, где вообще он нашел этих ребят – по каким мирам?

Интересно, есть ли этот ген у меня?

– Они чувствительнее, нежели обычные люди. Мощнее энергетически, обладают выраженной способностью подключаться к информационным пластам.

Мы свернули на широкие полосы центрального проспекта, который в этот час в виду раннего утра и плохой погоды, почти пустовал.

– И мне бы совершенно не хотелось, чтобы их спермой завладел некий сторонний элемент.

Да уж, точно не «лысая», которая, к слову сказать, всю ночь мне снилась – изъявляла зло на то, что я неверно поступила. Чур меня, как говорится: «куда ночь, туда и сон».

Седан ускорился. Где-то там нас ждал Реактор, а также серьезный разговор с отрядом.

* * *

То был редкий момент – не Новый Год, не чей-то день рождения, – когда собрались все. Все – это не просто парни, но и их девушки: Меган, Элли, Лайза,

Шерин, Ани-Ра, Райна, Инига, Алеста… В уголке сидела Клэр.

Дрейк ввел меня за собой в кабинет, как вводят в школьный класс новенького, которого поначалу полюбили, а после сами же выдворили из «тесного круга». Настороженные взгляды – хмурые, исподлобья, встревоженные, некоторые слишком ровные. Видимо, нагадить «я» успела всем и не по одному разу.

Жадно, прямо и с сочувствием смотрела только Тайра – она оставалась моей подругой, несмотря ни на что. А остальных я старалась не рассматривать – почему-то эта новизна в виде настороженности резала струны-нервы, как зазубренный смычок.

Впервые, находясь в тесной комнате, я чувствовала себя изгоем.

– Я попрошу всеобщего внимания, – после того, как указал мне на место справа от себя, произнес Дрейк. – Всеобщего. И полного.

Шорох в комнате стих. Взгляды присутствующих устремились на Начальника, хотя парочка из них все еще шастала по мне – я ощущала их кожей.

– У нас случилась тревожная ситуация, и я официально объявляю о том, что, начиная с сегодняшнего момента, уровень опасности, наложенный на Уровень четырнадцать, равно как и на остальные, «красный». У нас появился враг. Плохой враг – мощный.

Я смотрела туда, где за окном с небес капала вода, и думала о том, что вообще-то, это моя задача – обелять себя. Не прятаться, подобно слабаку, за чью-то спину – пусть широкую и могучую, – но выступить вперед и рассказать правду. Не бояться того, поверят или нет, не ждать реакции…

Но я все еще оставалась человеком, и чужое осуждение трогало меня. Дрейк говорил обычные слова, а мне вопреки всякой логике хотелось повернуться ко всем и заорать: «Это не я, слышите? А вы поверили…»

Я сдержалась.

– …мало того, что он сумел создать фантома человека в реальном мире, так еще и заминировал Бернарду таким образом – астрально заминировал, – что каждый ее шаг, каждая попытка связаться со мной, била по вам. Именно поэтому Дэлл обжег руки, Лайза разбила машину, Ани вывихнула ногу и так далее.

– А мой штаб? – пробубнил Дэйн.

– Твой штаб тоже пострадал из-за того же.

«Из-за меня», – глупо подумала я. Конечно, виновата во всем была «лысая», но попыток связи с Дрейком не оставляла я. И вновь я не смотрела на остальных. Казалось бы, распахни глаза, гордо выпяти грудь, а не хотелось. Хотелось сморщиться, подобно старому грибу, и укрыться сверху осиновым листом.

«Я не хотела…» – грохотали оправдывающимся составом в голове мысли.

– Цепь эта продолжалась бы бесконечно, пока не привела бы к чьему-то летальному исходу, но Дина вовремя попросила Стива ввести ее в состоянии искусственной комы, откуда сумела отправить мне сигнал тревоги. Кома – это большой риск, и цена могла быть высокой…

«Ну вот, я герой».

Героем, оказывается, быть еще муторнее, чем изгоем. Обе стороны – крайности.

– Жаль это говорить, но мы в опасности. К настоящему моменту я все еще не вычислил врага, хоть и потратил на это довольно много времени. Сейчас на каждом из вас, чтобы не случилось того, что произошло с Бернардой, установлены дополнительные ловушки чужеродной энергии, а также защита. Как вы понимаете, фантома, если он создан, от реального человека не отличить…

– Что нам делать, Дрейк?

Хмурый тон, серьезный – говорил Рен. И я знала этот взгляд профессионального Ассасина, острый, как бритва: мол, укажи цель. Но цель, если бы все было так просто, уже была бы взята самим Начальником.

– Сообщайте мне о любых странностях. Не уезжайте. Не используйте Порталы.

В комнате шептались.

Я, наконец, устала прятаться и развернулась, посмотрела на присутствующих. Сразу же поймала полный понимания и чуть-чуть сожаления взгляд Халка: мол, прости, мы не знали.

Да чего уж там…

Вздохнула, снова отвернулась.

– На данном этапе никто не может быть уверен, что стоящий перед вами человек является тем, за кого себя выдает.

– Это серьезно, – Аллертон поджал губы. – Как тогда быть?

– Надеюсь, этого не произойдет, – Начальник покачал головой. – Но уверенным в этом до конца я быть не могу. Держите глаза открытыми. Наблюдайте, анализируйте, сообщайте.

– А чего хочет враг? – спросил Аарон, и шепоток моментально стих.

Хороший вопрос. Я не удержалась, бросила взгляд на непроницаемое лицо Дрейка – скажет или нет?

– Именно это пока остается неясным, что усложняет задачу.

Шепоток усилился раза в два. Люди переглядывались, задумчиво переглядывались, делились мнениями и подозрениями.

«Не сказал».

А я, глядя на Рена Декстера и слушая шум дождя за окном, думала о том, что здорово, что где-то там не появятся в скором времени маленькие Рены. Или зеленоглазые сыновья Мака Аллертона, или платиновые девчонки-блондинки,

чей папа – Дэлл Одриард…

Мы избежали проигрыша в первом раунде.

Но ведь будут и другие.

* * *

Я старалась уйти тихо, но они то и дело догоняли в коридоре:

– Ди, ты извини. За коньяк…

Халк. Понял, что я его не травила.

– Все нормально.

– Эй, Ди…

Баал. Будет извиняться за случай с Бааллькой, которую я не толкала.

Лучше бы прыгнуть.

А в конце следующего коридора голос Мака Аллертона за спиной:

– Ди, послушай…

Это он про машину Лайзы. И, может быть, про что-то еще.

– Никто не знал.

Только Клэр. Которая теперь боится возвращаться в особняк, потому как знает, что в телевизоре обосновалась «лысая» инопланетянка. И Дрейк, кажется, подругу в том, что телевизионный ящик полностью безопасен, не переубедил.

Мда, дела у нас творятся. Но ничего, как сказал Дрейк, «спокойно существуют только покойники…»

Да и то лишь до момента своего перерождения.

Я невесело улыбнулась. А после подумала, что нужно зайти с коробкой конфет в «Карту Судеб».

Глава 4

– Дрейк?

Место на постели справа от меня пустовало – уже остывшее место, холодная простынь.

Я приподнялась и почти сразу же увидела его, стоящего у окна. Нордейл едва окутался в предрассветную дымку; по саду растекся туман.

– Почему ты не спишь?

Он стоял спиной ко мне – в штанах и без рубашки, – смотрел прямо перед собой, и я была готова биться об заклад, что в эту самую минуту Дрейк Дамиен-Ферно не видел ни стекла, ни застывших в безветрии кустов, ни далекого, едва начавшего окрашиваться розовым неба. В комнате уютная темнота – в такую нужно смотреть самые последние ускользающие из воображения с пробуждением сны.

– Аарона нет, – донеслось глухо.

Мой вялый спросонья мозг новую информацию переварить не смог, однако уверился в том, что Великий и Ужасный однозначно смотрит не сквозь стекло на улицу, а на очередную невидимую энергетическую карту.

– Нет где? Дома? В городе?

Разве это повод для бессонницы?

Странный и неподвижный, будто застывший, Начальник чуть повернул голову:

– Нет в этом мире.

Мои веки дрогнули одновременно с мозгом – сон слетел.

– Как он мог исчезнуть? Давно?

Умер?

Туман за стеклом напоминал сигаретный дым, выдохнутый великаном. От Дрейка веяло не замешательством, но странным недобрым спокойствием. А еще легкой изморозью и работающими на полную мощь инерционными полями. И это в неполные пять утра.

– Судя по временным метрикам, – пояснили мне от окна, – Аарон Канн никогда не появлялся в Мире Уровней.

* * *

Они исчезли один за другим в течение часа. Дэлл Одриард, Рен Декстер, Баал Регносцирос… Все.

– А Баалька, – спрашивала я глупо, – она… никогда не рождалась?

От того, как в этот момент гнулась реальность, по позвоночнику шла изморозь. Не спасал ни теплый плед из кресла, ни согретый чай.

Дрейк не отвечал. Он стоял посреди гостиной более не похожий на человека; электрический трансформатор – вот, на что он стал похож. Неподвижный, исходящий упругими волнами, с отсутствующим и в то же время неприятным выражением лица. Он более не находился здесь, в особняке – он был везде, одновременно в каждой точке этого мира. С бешеной скоростью считывал информацию, пропускал ее через себя, вычислял возможные варианты

случившегося.

А я боялась подходить близко. Холодными вдруг сделались руки и ноги, тошнотворно хрупким сознание.

Их нет. Никого нет.

Я не верила.

Поднялась, достала из сумки телефон и, несмотря на то, что шел шестой час утра, вошла в меню «Контактов». Некоторое время медлила, решая, какой из номеров набрать, затем коснулась экрана напротив имени Халка Конрада.

И спустя секунду услышала совершенно неуместную в моем понимании фразу о том, что «набранный номер не существует».

Мак… «Абонент недоступен…»

Рен – «Набранный номер не существует…»

«Дура! – хотелось сказать голосу-роботу. – Он существует! Еще вчера существовал».

Но Дрейк почуял неладное первым. И даже не имело смысла задаваться вопросом – как.

А ведь в последние дни все как будто наладилось, вошло в норму: вернулась в наш прежний дом Клэр, привезла с собой кошек, прибралась, разложила по полкам, как когда-то, свои вещи. Вот только телевизор до сих пор не включала – для чего-то завесила экран полотенцем.

«Набранный номер не существу…»

Я делала это по кругу, раз за разом – пыталась дозвониться до пропавших ребят.

Где же вы? Куда вы делись?

Вид Дрейка откровенно пугал – слишком светлый, расплывчатый, будто распадающийся на атомы. Начальник запустил в работу всю свою мощь, и ничего хорошего это не предвещало.

«Рен, ответь… Элли…»

«Абонент недоступен… Номер, который набираете, не существует».

Робот был непреклонен. Мне вдруг отчаянно захотелось проснуться: это сон, этот кошмар не может быть реальностью.

Лайза? Райна? Логан? Почему разом из строя вышли все номера.

Отряда нет. Их больше не существует…

И совершенно неуместное желание выпить чего-нибудь покрепче чая.

Нестабильность – сложный элемент. Мы привыкаем к людям, к укладу, к собственным привычкам. К тому, что можно в любой момент достать сотовый, нажать кнопку, и на том конце тебе ответят «Алло». Привыкаем к выбранному нами окружению – оно становится оплотом, ибо состоит из людей, способных тебя поддержать. И, когда оно рушится, рушится привычный и незыблемый мир.

Что стало бы со мной сейчас, не стой посреди гостиной Дрейк? Даже такой страшный, как теперь.

Он «очеловечился» примерно двадцать минут спустя. Сел в соседнее со мной кресло, ровным тоном подвел итог, поднявший на моем загривке волосы:

– Никого. Нет и никогда не было.

– Что это значит?

Мой голос охрип, как у больного ангиной.

– Это значит, что кто-то изменил прошлое. И тем самым сильно меня разозлил.

То, каким тоном была произнесена последняя фраза, вдруг сделало очевидным весь ужас наличия Дрейка – не друга, но Дрейка-врага.

– Я убью ее.

– Кого?

Я уже знала, кого: «лысую». Она явилась вновь и попыталась завладеть нашими «мальчиками» уже не в виде их спермы, но в виде живых людей.

– Но ведь убивать нельзя, – выдохнул, качнула я головой. – Ты ведь сам говорил про «кармические» узлы.

На меня взглянули серо-голубые глаза – такие холодные, что я на мгновенье ужаснулась, а не пропал ли за их льдом мой привычный Дрейк?

– Я принадлежу к категории тех, кто эти узлы создает.

– И не пострадаешь?

– «Пострадает нынче кто-то другой», – ответил мой возлюбленный моей же фразой из песни и улыбнулся так жутко, что мне стало очевидно: этим утром привычный мир окончательно развалился.

Он собирался в Реактор, а я бегала вокруг заводной собачкой, пытаясь выведать, как можно больше:

– А почему я их помню? Ведь, если они никогда не существова…

– Потому что, когда я ставил защиту, я защитил и наши с тобой пласты памяти от возможной перезаписи.

– А девчонок тоже нет?

– Есть. Они здесь, но они никогда не встречали наших ребят.

Дурь. Невозможно. Мой мозг дымился от надобности сделать возможным невозможное.

– Значит, что-то изменилось там, до их попадания в этот мир?

– Верно.

– И ты выяснишь, что именно?

– Ди…

Я знала, что именно сейчас не стоило лезть к Начальнику с вопросами, потому что там – под серебристой формой, под кожей, под волосами – на полную мощность работало практически незнакомое мне существо. И от этого отчаянно хотелось чего-то привычного, человеческого.

– Стой! – вдруг задержала я любимого на пороге перед самым выходом. Деловито, по-женски расправила ему ладонью складки на форме, приблизилась, чмокнула в нос (о, этот фон! Оголенный провод поцеловать было бы проще, чем этот нос). Заявила уверенным и нарочито спокойным тоном: – Мы справимся, ясно? Сгоняем в прошлое, изменим критическую точку и вернем всех в этот мир. Херня-война – обед по расписанию!

И ощутимо хлопнула Дрейка по груди.

Тот от неожиданности на секунду осоловел:

– Какой обед?

– Во время военных действий, – браво пояснила я. – Это присказка такая.

Он смотрел на меня странно. Но, кажется, из состояния «трансформаторной будки» немного вышел.

* * *

Свой телефон я теперь крутила в руках, как прибор инопланетного мира. Как нерабочий пульт от вызова космического корабля. Что толку – номера есть, а абонентов не существует? А без них, между прочим, от одного только осознания, что их больше нет, делалось непривычно и зябко.

А вот набранный номер Клэр дал привычные длинные гудки и очередной импульс по натянутым до предела нервам. А вдруг трубку возьмет не Клэр, а какая-нибудь Марта, Джоанна или Линдси?

Но на том конце раздался знакомый голос.

– Привет, Ди. Все нормально? Зайдешь на пирожки?

Я старательно втянула воздух и медленно выпустила его наружу – хоть что-то в мире стабильно.

– Привет. Зайду. Слушай, я хотела спросить… ты помнишь…

И запнулась.

– Что?

– Не что – кого, – на фоне звенели кастрюли, лилась из крана вода. – Наших ребят. Мака, Рена, Халка, Дэйна?…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/veronika-melan/den-nordeyla

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити